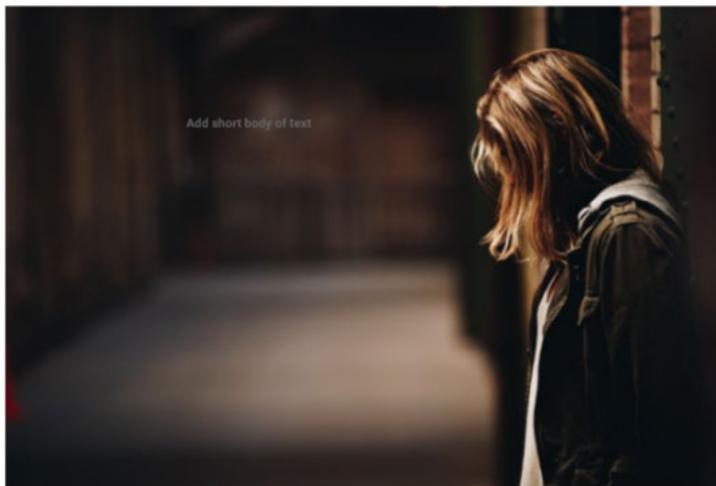

Виктория Балашова

Бомжиха

пьеса

*Что произойдет, когда два
пенсионера найдут во дворе
бомжиху...*

Пьеса в двух действиях (трагикомедия)

Аннотация:

Трагикомедия. Однажды утром два сильно пьющих пенсионера (Екатерина Аркадьевна и Леонид Степанович – главные герои пьесы, пытающиеся помочь Наде) обнаруживают на скамейке в своем дворе бомжиху Надю. Выясняется, что она приехала из далекой деревни, но ее заставили просить милостыню на вокзале, отобрав паспорт. Надя бежала и поздно вечером заснула на скамейке. Одновременно в соседнем доме происходит убийство – поделщик убил друга, решив забрать себе все украденные ими деньги. Однако этот миллион друг заранее отдал своему дяде, который и является «начальником над бомжами». Как связаны миллион и Надя, и чем закончатся ее злоключения, можно узнать, прочитав пьесу.

Это бенефис двух пожилых актеров, мужчины и женщины.

3 женские роли, 5 мужских, массовки нет.

Смены декораций на протяжении всего спектакля нет.

Действующие лица:

НАДЯ, около 25 лет, бомжиха.

ЕКАТЕРИНА АРКАДЬЕВНА, 70 лет, пенсионерка,
бывшая учительница французского языка.

ЛЕОНИД СТЕПАНОВИЧ, 72 года, пенсионер, бывший инженер.

ГАЛИНА, около 30 лет, женщина с собачкой.

ИВАН АБРАМОВИЧ, участковый, около 50 лет,
грузный мужчина.

ИЛХОМ «ЗАХАРЫЧ», дворник, мужчина
неопределенной национальности.

СЕРЕГА, «начальник над бомжами», около 40 лет,
крепкого телосложения.

КРЕПЫШ, «коллега» Сереги, около 30 лет, крепкого телосложения.

В пьесе используются стихотворения Евгения Евтушенко.

Действие разворачивается в обыкновенном московском дворе на детской площадке: две скамейки, песочница, горка, качели. Позади виден старый пятиэтажный жилой дом.

Действие первое

Сцена первая

Утро. Екатерина Аркадьевна — в потрепанном пальто, несмотря на теплую погоду. Сидит на одной из скамеек, ближе к зрителю. На дальней скамейке лежит некое тело, но пока Екатерина Аркадьевна его не замечает.

Екатерина Аркадьевна. Степаныч! Твою мать!
Степаныч!

Из окна дома высовывается Леонид Степанович.

Леонид Степанович. Чего орешь, дура? Всех перебудишь!

Екатерина Аркадьевна. Выходи, Степаныч! Все на работе давно! А ты, алкаш, спишь! Спускайся! Есть банка пива!

Леонид Степанович. Сразу бы и сказала!

Он появляется на площадке.

Леонид Степанович: Водки бы еще, а, Катерина?

Екатерина Аркадьевна. Водки?! Кто ж против водки, Степаныч! Беги в подвал, бери водку. А мне хватило только на пиво.

Леонид Степанович. На пиво ей хватило! Не ври, Катерина! Кто тебе банку-то подарил, а? Брехунья хренова!

Екатерина Аркадьевна. Ну подарил, ну отдал добрый человек бабке! Тебе вот кто дарил в последний раз банку пива? Водки бутылек, кто-нить дарил, а?

Леонид Степанович явно отвечать не хочет и крутит головой по сторонам.

Леонид Степанович. Лучше скажи, кто тут у нас на скамейке спит? Кто тут у нас вчера напился и нагло дрыхнет на детской площадке?!

Екатерина Аркадьевна. Вот ведь сволочь какая?! Детки тут играть придут с мамашами, а он разлегся?! Пьянь, одно слово!

Леонид Степанович. Баба разлеглась! Баба, Катерина! Глянь, куда мы катимся?! Упилась, значит, и заснула на скамейке! Феминизм, одно слово!

Екатерина Аркадьевна. И не говори, Степаныч! До чего, блин, дожило мирозданье! А что ты встал-то ступором? Беги, если ноги позволяют, в подвал за водкой! Мерзавчика возьми и что там у них сгнило. Скажи, Катерине конфетки — бесплатно дадут парочку.

Леонид Степанович. Не учи, феминистка! Сам знаю! Колбасы в тот раз на самом деле тухлой дали. Блевал.

Екатерина Аркадьевна. Проси не такой тухлой! Топай, ирод! Я пока бабу рассмотрю. Вдруг труп, Степаныч?

Леонид Степанович. Ты ее не трогай. Если труп, на ней будут твои отпечатки! Если просто пьяная феминистка, другое дело. Но водки ей не дадим. Самим мало.

Екатерина Аркадьевна подходит ко второй скамейке, рассматривает тело, но не трогает. Леонид Степанович уходит за водкой.

Екатерина Аркадьевна. А вдруг и правда убили? Нет, убить не убили, сама могла помереть. Легла и померла. Так все померем, тихо ляжем и померем, устав от жизни земной, где как в аду. Думаю, хуже все равно некуда. Да, я бы так хотела — безболезненно. Выпила водки, конфетой любимой закусила и легла помирать на лавку, у всего честного народа на виду.

Леонид Степанович. Ну что, Катерина, я с водкой! Валерка выдал.

Екатерина Аркадьевна. Чего-то он у нас нынче такой добрый, а? Цельную бутылку пожертвовал на благо цивилизации. Степаныч, с утра так много пить — прямая дорога в могилу. А у нас с тобой тут и так труп.

Человек на скамейке начинает шевелиться. Из-под груды тряпья появляется молодая женщина с грязными, спутанными волосами, помятым лицом.

Екатерина Аркадьевна. Ожила! Ты кто такая, труп неудавшийся? Мы полицию уж вызывать хотели. У нас тут приличный двор, детишки гуляют. Чего разлеглась, бомжиха? Топай отселе, не загрязняй окружающую среду!

Надя (испуганно). Не надо полицию.

Екатерина Аркадьевна. Мы ее и сами не хотим. Но своих мы тут всех знаем: наркоманов, алкоголиков,

простых мирных граждан знаем. Тебя не знаем. Почто здесь разлеглась, а?

Надя кутается в тряпки и озирается по сторонам.

Леонид Степанович. Мы всем желаем исключительно добра. Но лежать на скамейке на детской площадке бомжу нельзя. У тебя, может, вши, а тут детишки! И вообще — пример исключительно для молодого поколения неудачный. Не те ценности воспитывает в человеке.

В это время Екатерина Аркадьевна достает из пакета пластиковые стаканчики и наливает туда водку и пиво.

Екатерина Аркадьевна. Тут все люди приличные. Так что мотай отсюда. Можем на дорожку водки налить. Не хмурься, Степаныч. На дорожку оно святое выпить. Пусть в хорошем настроении человек отсюда уйдет и помянет нас добрым словом. Что мы нехристи какие так человека выгонять?

Леонид Степанович. И правда, пусть пьет! Чего там! От ста грамм еще никто не обеднел, а вот счастья людям прибавляло.

Они наливают Наде, протягивают ей стакан и конфету.

Екатерина Аркадьевна. Бери, убогая. Эх, как до жизни до такой дошла? Давай выпьем за то, чтобы всегда было человеку куда податься, чтоб дом был, хоть какой. Где обычно-то спишь, а? Так вот по скамейкам? Эх, житье-бытье!

Леонид Степанович. Катерина, а вдруг женщина — не бомж? Чего мы ее так сразу оскорбляем? Случайно заснула у нас на скамейке, ну немножко грязная, ну похожа на бомжа. Но что ж сразу человека клеймить? Может шла с завода уставшая, прилегла и заснула. А мы сразу клеймить, бомжом обзывать.

Екатерина Аркадьевна. С завода шла! Ну ты, Степаныч, скажешь! Выпьем, короче. А то трубы горят со вчерашнего. «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля»...

Леонид Степанович. «Просыпается с рассветом вся Советская земля». Сразу настроение поднялось! Как тебя зовут?

Надя (еле слышно). Надя.

Екатерина Аркадьевна. Имя тебе дали хорошее. А до какой жизни докатилась! Конфету ешь. У приличных людей закусывать принято. Фантик бросай в помойку. Ай, вот идет главный тут человек. Таджик, Надя, а не бомж. По-русски плохо говорит, но, Надежда, не бомжует, как ты, и на скамейке не спит!

Дворник-таджик везет к помойке магазинную тележку, в которой стоит пластиковый бак и торчит метла. Начинает выгребать из помойки мусор, собирает по площадке пустые бутылки, подметает.

Екатерина Аркадьевна. Понимаешь, Надежда, безысходность твоего бытия определяет твое никчемное сознание. Степаныч, колбаски тебе дали?

Леонид Степанович. Валера сегодня добрый. Вот тут хлеб, колбаса и пельменей немного — пачка разорвалась, они высыпались — Валерик мне и отдал.

Екатерина Аркадьевна. О! Счастье привалило! Надежда, с тобой пришла удача. За тебя сейчас все-таки выпьем. Чтобы жизнь твоя вошла в нужную колею и более оттуда не выходила. Интересно, Степаныч, нам водки до обеда хватит? С пельменями хорошо пойдет. Тебе, Надежда, не предлагаем. У нас тут люди приличные живут, тебя увидят, вызовут полицию.

Леонид Степанович. Да, случаи были. Помнишь, Катерина, тут наркоманы дрались? Сразу приехали стражи порядка. Это тебе не девяностые, когда хочешь тут всю ночь песни горлань, дерись и никто тебе слова не скажет. Нынче — порядок! И бомжующего элемента сразу с детской площадки уведут, чтобы выяснить личность.

Екатерина Аркадьевна. Это точно, Надежда. Степаныч правду говорит. Видишь, тут качельки поставили новые, песочницу. Я этих собачников отсюда как гоняю, Степаныч, скажи?

Леонид Степанович. Гоняет, Надь, так гоняет, мне страшно! Но ведь ссут эти твари, где ни попадя, особо метя в песочницу. А тут детишки куличики делают. Собачники людей не любят. Для них животное — превыше всякого человека. Катерина как гаркнет на них! Даже мне страшно и хочется бежать отсюда.

Екатерина Аркадьевна. Так что ты понимаешь, Надежда, что бомжам тут не место. Вот понимаешь,

если не мы со Степанычем полицию вызовем, то кто-то другой. Народ тут в целом добрый, но в частности нраву крутого. Смотри, намусорим — таджик убирает. Или он киргиз, Степаныч? А кем бы ни был, но убирает по утрам тщательно. Сколько накануне ни пей — все уберет и выметет. А народ что? Из окон повылазит и блюдет. Что не так, давай в полицию звонить. Теперь все свои права знают — умные очень, образованные и телефоны имеют. Раньше-то телефон был роскошью, а теперь средство связи. В том числе с полицией.

Леонид Степанович. Такова жизнь, Наденька. Куда ни плюнь — несправедливость и жестокое отношение к людям. Как при настоящем капитализме. Звериный, так сказать, оскал. При социализме ты бы дома спала, а не на лавке. Бомжей тогда не было. Вот тебе лет сколько?

Надя. Двадцать пять.

Леонид Степанович. Вот! Ты социалистическую реальность не застала. Видишь, Катерина, что с людьми новый строй делает! Молодая девка бомжует по чужим дворам! А раньше бы работала инженером, а вечерами смотрела программу «Время». Сейчас программ миллион, а смотреть нечего. Выбор — не есть панацея, Надежда. Иногда лучше без выбора, зато не на скамейке ночевать.

Екатерина Аркадьевна. И пенсия была бы обеспечена, и крыша над головой. Вот чего мы, Степаныч, набросились на Надежду? Сами почти как бомжи. Одна разница — что на скамейке не спим. Что мы с тобой, Степаныч, имеем? Две копейки от большой государственной щедрости. Если б не Валерик, давно б с

тобой сдохли от голода. Ну, не от голода, но почти (*задумывается*). Ни на что пенсии не хватает. Сейчас вон даже макароны дорогие, даже «Доширак», который едят несчастные китайцы.

Леонид Степанович. Точно! Но на государство, Катерина, не грехи. Государство само страдает — цены на нефть, погляди, падают, кругом экономический кризис. Ничего не поделаешь. А Валерка, и правда, хоть и бизнесмен, но человек хороший. Трудящихся эксплуатирует, но и поддерживает пожилых людей. Он нас, Надежда, спонсирует. Не просто так, конечно. Он, Надя, сирота, поэтому видит в нас как бы родителей, как бы мы ему их заменяем. Так мне кажется. А то, что пьющие мы ему попались, так то мы не со зла.

Екатерина Аркадьевна. Правильно, Степаныч, все излагаешь... Спонсор! Валерик — наш спонсор. Я ему говорю: Валера, моя мечта — на море съездить. Была я, Надежда, молода когда-то, как ты примерно. Ездила в отпуск на Черное море. Вспоминаю часто. Помереть бы на теплом песке под плеск волн.

Леонид Степанович. Представь, Надя, Валера обещал Катерину, как та помирать соберется, отправить на море. Катерина, а пельмени у нас не оттают? Ты б домой сгоняла, в холодильник их положила.

Екатерина Аркадьевна. Ой, тут умный нашелся! Степаныч, с твоим умом только на Нобелевскую премию. Я не шучу, Надежда, у Степаныча было три патента. Чего ты там наизобретал в своем институте?

Леонид Степанович. Да ладно, Катерина, кому это сейчас интересно. Ты лучше еще водки разлей. Не жадничай — все равно до обеда не растянем. Придется еще бежать. И пивка плесни. Наде тоже чуток добавь — хорошая девка, по всему видать.

Голос из окна. Осточертели тут пить, алкоголики проклятые! Сейчас полицию вызову!

Екатерина Аркадьевна. Вот ведь! Работать пошла бы! Я — законная пенсионерка! А ты что дома расселась зад отращивать? Раньше бы за тунеядство посадили! На тебя саму полиции нет!

Голос из окна. У меня ребенок маленький! Пенсионерка хренова! Из-за тебя уснуть не может! Пошли отсюда!

Мужской голос. Я со смены! Заткнитесь, дуры! И окно не закрыть — жара!

Леонид Степанович. Уйти надо бы ненадолго. Разорались! Давай, Надя, за твое светлое будущее! И ступай. Мы тоже с Катериной по домам. Ты, Катерина, только пельмени одна не жри, позови на обед.

Екатерина Аркадьевна. Уж позову, не сомневайся. Чуток вот водки осталось. А ты, Надя, и вправду иди отсюда — видишь, местный пролетариат нервничает.

Надя. Мне идти некуда. Но вы не беспокойтесь. Я пойду. Куда-нибудь. Спасибо.

Надя собирает свои пожитки.

Екатерина Аркадьевна. Что, совсем некуда идти? Ты, девка, откуда взялась-то? Степаныч, смотри, может, как

в том сериале, ее мать в детстве потеряла, а она вот скитается по свету, ищет мамку-папку. А папка, в самом деле, олигарх, богатый человек. Но про дочь несчастную, брошенную, не знает. Может, Надя — будущая наследница империи!

Леонид Степанович. Какой империи, Катерина?

Екатерина Аркадьевна. По продаже нефти и газа, дурень! Большой такой империи по зарабатыванию денег на крови народной! Он Надю найдет, признает и в благодарность станет она нам помогать как Валерик. Заживем!

*Екатерина Аркадьевна и Леонид Степанович чокаются.
Надя кутается в тряпье.*

Надя. Спасибо. Пойду я.

Леонид Степанович. Куда пойдешь? Надь, серьезно спрашиваю. Куда собралась?

Екатерина Аркадьевна. Эх, Степаныч! Пусть мотает отседа. Тут добра нет.

Леонид Степанович. А где оно добро-то, Катерина? Добра-то в мире нынче нет! Вон, Валерик даст водки да закуски — вот и все добро мировое. Пей, Надежда, это все добро, которое осталось в мире. Лучше не будет.

Надя выпивает залпом водку.

Екатерина Аркадьевна. Девка хорошая, по всему видать. Плесни ей еще, Степаныч. Жизнь — она штука жестокая. А выпил, и вроде полегчало. И вроде все, как говорят французы, в розовом свете. Ля ви ан роз!

Леонид Степанович. Не смотри, Надежда, что Катерина так выражается. Она учитель французского.

Екатерина Аркадьевна. Была, Надь! Была когда-то учительница французского! А муж мой был поэт! Блин, Надь! Поэт — невольник чести! У нас дома Евтушенко бывал. Есть поэт такой. Слыхала?

Надя отрицательно мотает головой.

Екатерина Аркадьевна. Сначала, Надь, муж мой умер. Но я это, Надь, пережила. А что делать? Все померем, Надь. И ты померешь, и Степаныч, и даже, Надь, Валерик померет, хоть он почти олигарх. Евтушенко тоже отошел в мир иной. Но гораздо дольше протянул чем мой муж.
Начинает читать стихотворение:

Таков закон безжалостной игры.

Не люди умирают, а миры.

Людей мы помним, грешных и земных.

А что мы знали, в сущности, о них?

Леонид Степанович гладит Екатерину Аркадьевну по руке и разливает водку по стаканам. Некоторое время стоит тишина.

Надя. А что потом случилось?

Екатерина Аркадьевна. Потом? А потом школу снесли! Ироды!

Леонид Аркадьевич. Школу, Надежда, снесли, где Катерина французскому деток обучала. Снесли, а на ее

месте построили новую, самую большую в Европе, а то и во всем мире, с бассейнами и прочими излишествами. Там столовая, Надя, лучше любого ресторана. Булочек, правда, с повидлом за пять копеек нет, но кому эти булочки нужны сейчас... Короче, сказали Катерине, что более мордой не вышла там учительствовать!

Надя (растеряно). Почему?

Екатерина Аркадьевна. Ой, да кому мы нужны там были? Открыли новую, европэйскую школу. Платную. Лучшую из лучших. Тут ведь, Надя, почти центр города — есть дома и покруче наших. Кто там живет? Правильно — олигархи. Где должны учиться дети олигархов? Правильно — в крутых школах. Зарплаты учителям там платят большие, желающих работать много. А кому за меня заступиться? Некому! Я Евтушенко позвонила, а он говорит, не помню вас, мадам... Он тогда еще вполне жив был. Но не вспомнил. Бог с ним... Не меня одну турнули. Всю старую гвардию. Директриса наша сама померла, кто-то еще тоже сам ушел на тот свет. Говорю ж, все там будем. Нет проблем! *Опять читает стихотворение:*

Уходят люди... Их не вернуть.

Их тайные миры не возродить.

И каждый раз мне хочется опять

от этой невозвратности кричать.

(После паузы): Остальных поперли. А мне вообще сказали: нынче английский, Екатерина Аркадьевна, преподавать надо. Ступайте со своим французским на

хер! (Слово «хер» произносит на французский лад, картавя).

Леонид Степанович. Английский, Надежда, — язык международного общения! Шерше ля фам кануло в прошлом! Скоро и сами «фам» канут, помяни мое слово. Империализм не справится — феминизм точно сдюжит. Помянем французский и иже с ним!

Голос из окна. Вот ведь алкашня! Пьют и пьют! С самого утра наклюкались!

Екатерина Аркадьевна. Заткнись, дура толстая! У нас тут разговор по душам! Про лингвистику говорим. Тебе не понять!

Голос из окна. Куда нам! Но в полицию позвонить еще способны! Там по-русски прекрасно понимают!

Леонид Степанович. Не нервничайте, барышня. Мы тихонько. Порассуждаем про судьбы мирового пролетариата и разойдемся. Сейчас детишек сюда приведут, они так орать будут, мы вам, барышня, ангелами покажемся.

Дворник снова подходит и забирает пустую банку из-под пива.

Надя. Пойду я. Простите.

Леонид Степанович. Да ладно, еще вот выпей. Куда пойдешь? В переход у метро? Там стоишь? Или где? Я тут тебя нигде не видел. У нас основной бомжатник или в переходе, или ближе к Садовому.

Надя. Я у вокзала работала.

Леонид Степанович. Почему «работала»? Бомжей тоже увольняют? По сокращению штата? Или ты по собственному желанию?

Екатерина Аркадьевна. Что несешь? Что несешь, Степаныч? Как можно бомжа уволить? Ты еще скажи, что у них есть трудовые книжки и отдел кадров! Стоит она у вокзала и на билет просит без всякого трудового договора. Некоторые на инструментах играют. Хотя, наверное, то не бомжи, а не пристроенные деятели искусства. У них, знаешь, тоже жизнь совсем не малина. Там поди пристройся, хоть ты десять раз лучше на скрипочке выводишь чем... Как ее там, Степаныч? Скрипачка тощая такая?

Леонид Степанович. Ты имеешь в виду Ванессу Мэй? Которую мы как-то по телеку видели?

Екатерина Аркадьевна. Точно! Именно Ванессу. Да, так ты на билет просила, Надь?

Надя (еле слышно). Да, на билет.

Екатерина Аркадьевна. Вот! Я слыхала по новостям: говорят, мол, все у меня украли, денежек на обратный билет нет. Подайте, Христа ради, на обратный билет и чего-нибудь на пропитание. Так каждый день ходят и просят, а домой все никак не едут.

Надя начинает плакать.

Леонид Степанович. И чего ты ее расстроила? Может, у нее и правда денег нет на обратный билет, а собирать никак не получается. У них, говорят, отнимают часть денег. Ходят по переходам и отнимают.

Может, никак Надежда до дому не доберется. Может дом ее далече — сюда кое-как добралась, а обратно уже не получается.

Екатерина Аркадьевна. Надь, чего, правда, все украли у тебя? А паспорт остался? Ты вообще откуда? Степаныч, поди к Валерику, поклянчи еще водки. Тут такое дело... Чего я на тебя, Надь, набросилась?! Ой, и долго ты так мыкаешься? Может, у Валерика попросить? Он добрый. Правда, это смотря, куда ехать. Ты живешь далеко? Мамка-папка что не помогут? Беднота, да, Надь? Совсем жизнью покалеченная?

Надя плачет еще сильнее.

Леонид Степанович. Господи, Катерина! Ну забросала человека вопросами! Да, жизнь, явно Надежду потрепала. Если уже бомжи у нас во дворе спасения ищут, то действительно докатилась страна, дальше некуда! Надо в ООН писать, а то и сразу в Гаагский суд по правам человека! Нам-то ладно — недолго осталось, а Надежда — девушка молодая, ей катиться на дно не годится так рано. Вон по телеку показывают девиц — все у них искусственное: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. А ты, Надя, натуральная... хоть и немного грязноватая.

Екатерина Аркадьевна (*пытаясь вытирать Наде слезы грязным носовым платком, который достала из кармана своего пальто*). За водкой беги, философ! Тоже Чехов нашелся, Антон Павлович!

Леонид Степанович. Бегу, бегу. Сейчас вернусь!

Екатерина Аркадьевна. Садись, Надь, обратно на скамейку. В ногах правды нет. Ты не вшивая, а? Прости, просто рядом сесть хочу, а думаю, вдруг, мало ли! Давно ли мылась? Вон чумазая вся!

Надя (всхлипывая). Нет вшей. Нас проверяют и дезинфицируют. А внешне не все грязные. Всех по-разному одевают, и все по-разному должны выглядеть. Смотря, что клянчить. Истории опять же разные. Я вот мордой не вышла аристократку изображать. Из деревни приехала — деревню и показываю.

Екатерина Аркадьевна. Вот жизнь! Все-таки ты, как по телеку показывали, работаешь у них? Зарплата хоть ничего? Может и мне подработать? Надь, пенсии не хватает категорически! А изобразить могу кого угодно. Жё не манж па си жур, подайте депутату Государственной думы... Эх, сейчас неактуально, никто депутату не подаст. Скорее, побьют, Надь. Этот образ не годится! А могу и честно говорить: бывшая учительница французского просит подать на поездку к морю. На еду не хватает, но больно хочется море повидать. Валерка обещал напоследок отправить, а когда он этот «последок»? Откуда нам знать, может завтра? Надо бы заранее...

Екатерина Степановна присаживается на скамейку рядом с Надей.

Екатерина Аркадьевна. Иногда я сижу с детьми, Надь. Подрабатываю бебиситтером. Ха! Нынче так нянька к детям называется.

Надя перестает всхлипывать и удивленно смотрит на Екатерину Аркадьевну.

Екатерина Аркадьевна. А что ты удивляешься? Нет, конечно, очереди ко мне нет. Я бы тебе, Надь, соврала, если бы сказала, что я нарасхват. Минусов у меня, Надь, немного, но давай признаем, они есть. Во-первых, я пью! И во-вторых, пью и в-третьих, тоже пью.

Надя. Бросить не пытались?

Екатерина Аркадьевна. Бросить? Нет, не пыталась. А зачем? С мужем-поэтом мы тоже пили, но в меру. Иногда, конечно, меру превышали, но в целом держались, в отличие от многих наших друзей, неплохо. Молодцом держались. Понимаешь, неожиданно он умер. Вдруг, раз — и нет человека. Рак, Надь, он не смотрит, кто поэт, кто прозаик, а кто мразь последняя. Жажнуло, знаешь, неожиданно, и угас в одночасье... Он умер, и запила я уже не в меру. А сын погиб — совсем не в меру. Потом меня с квартирой надули. Думала продать нашу трешку — тут в центре, неподалеку мы жили. Купить себе однокомнатную, а куда мне одной больше — ни детей теперь, ни внуков. На остальное купить, что получится, и сдавать. В итоге оказалась тут в коммуналке, с пенсией. Пыталась как-то деньги вернуть, справедливости искала. А мне: не рыпайтесь, бабуля, а то и без коммуналки останетесь. «Есть где жить, — говорят, — вот и радуйтесь». Одна. Уволили... Ну, ты знаешь. Короче, куда тут бросать пить, а, Надь? Детишки как-то вначале ходили ко мне заниматься. Но время идет, народу подавай английский. Говорят, зачем нам ваш, Екатерина Аркадьевна, французский? Кто на

нем говорит? Надь, те же говорят, кто и раньше! Но не нужен! Се ля ви!

Надя. А сейчас с кем же сидите? С какими детишками?

Екатерина Аркадьевна. С детишками, Надь, такой же алкашни! Я сижу тут на площадке. Они выгуливают своих отпрысков. До парка им дойти лень! Тут сидят, пиво пьют и детей выгуливают. Знаешь, как собак. Собаки пописали и домой. Дети в песке покопали и домой. Типа, свежим воздухом подышали (*смеется*). А я себя рекламирую. Сижу и рекламирую: хотите, говорю, посижу с вашими детьми, когда вам надо отлучиться. Вот изредка мне и подбрасывают двух-трехлетних, иногда четырех. Старше те уже сами посидят. А младше не доверяют. И то правильно. С этими оболтусами посижу тут на площадке, присмотрю, чтоб никуда из песочницы не убежали, а мамы по своим делам сбегают. Одна бегала, прикинь, Надь, к любовнику. Он в обеденный перерыв на часок ее приглашал, так сказать, в апартаменты. А мне что? Сижу. Они, кстати, платили неплохо. Жаль, муж скоро узнал и побил ее.

Надя. Она от мужа не ушла?

Екатерина Аркадьевна. Куда уходить-то? На вокзал что ли?

Надя опять начинает плакать.

Екатерина Аркадьевна. Не плач, дурында! Не хотела я тебя обидеть. Любовник был женат. Тут же исчез с горизонта. А одной с маленьким ребенком куда идти? Она, как ты, неместная. Не работает.

Надя. Где ж она любовника подцепила?

Екатерина Аркадьевна. У Валерки в магазине. Мужик тут рядом работал. Зашел зачем-то. И она зашла. Она ничего, симпатичная. Сейчас сдала сильно. Муж стал бить, как все раскрылось. Любовник пропал, словно и не было. Думаю, он отсюда и с работы ушел, чтоб случайно не встретиться. Она и сдала. Откуда красоте взяться в таких условиях.

Возвращается Леонид Степанович.

Екатерина Аркадьевна. О! Степаныч вернулся! А мы уж думали, все, бросил нас Степаныч ради каких других баб! Нашел себе получше!

Леонид Степанович. Что несешь, Катерина?! Ждал, пока Валерик бутyleк выдаст. Смотрите, дамы, выдал вина! Водки, говорит, не дам, а вино списать могу. И выдал бутылку красного и печенья. Вообще, бизнес магазинный мне нравится — кучу всего списывают. Вот возьмем это печенье — просто порвалась упаковка, как и в случае с пельменями. Но, дамы, пельменям действительно урон. А печенье дорогое, оно упаковано в две обертки. Ему ничего не случилось, а народ привередливый фыркает и не покупает. С вином еще смешнее — оно просрочено! Дамы, вино просрочено! Ладно, та колбаса, которой мы траванулись. Но вино?! Короче, гуляем!

Екатерина Аркадьевна. Вот жизнь задалась! Надя, с твоим появлением что-то сдвинулось в мироздании.

Леонид Степанович. Ничего не сдвинулось, Катерина. Валерик правильно говорит: столько водки пить с утра

не годится. Он, между прочим, обещал, Надежда, как будет время — подойти, поинтересоваться твоей судьбой. Не исключено, пристроит к себе в магазин. Спрашивал, паспорт есть? Регистрации не нужно. Главное, паспорт ты не потеряла?

Надя. Нету у меня паспорта. Сразу отняли.

Леонид Степанович. О! Беда! Без паспорта у нас нет человека. Сейчас некоторые права показывают. Водительские. Но прав у тебя тем более нет — даже не спрашиваю.

Екатерина Аркадьевна. Ты, Степаныч, лучше налей вина нам. Тебе его хоть открыли?

Леонид Степанович. Пробка завинчивающаяся. Это тебе не из подвалов Бургундии.

Екатерина Аркадьевна. А то ты знаешь, как оно там в подвалах Бургундии! Ты, Надь, рассказывай, пока Степаныч свое бургундское нальет. Выкладывай, как докатилась до такого состояния? Практически опустилась на дно общества! Не реви и рассказывай. Иначе, как мы Валерику тебя представим? Как он тебе поможет? Без паспорта, правда, скорее всего, никак. Да не реви ты!

Леонид Степанович (вручает Наде пластиковый стаканчик). Выпей, Надежда. Видишь ли, Катерина права. Без паспорта как быть? Заявить, что утерян? Короче, рассказывай.

Надя плачет, пьет вино и пытается успокоиться.

Надя. Что случилось? Как дошла до жизни такой?!
(*нервно смеется*) Приехала к мужику. Познакомилась с ним по интернету. Дура? Дура, конечно! (*смеется*) Мне, представьте, двадцать два было, а ни с кем не трахалась! Ага, в нашей деревне, с кем? Не, ну кой-какие мужики остались: дядя Миша, Лукич, Вовка. Вовке тогда пятый годок пошел. Его тетя Валя родила от приезжего. Мне тетки говорят, давай через Интернет знакомься и вали отсюда. У нас так две свалили. Не сказать, что классно, но свалили. Одна аж в Финляндию! Она писала первое время родным. Живет рядом с самым чистым озером в Европе, правда, в лесу. Помогает мужу работать в кемпинге. У нас, может, между прочим, река тоже самая чистая в Европе. Только об этом не знает никто и знать не хочет. (*пьет вино и всхлипывает*) У нас бабы говорят, она уборщицей в кемпинге работает. А по мне и уборщицей хорошо. Зато в Финляндии. А у нас работать особо негде. Короче, я ходила к тете Вале — за ее компьютером старым сидела и познакомилась.

Екатерина Аркадьевна. Образование-то у тебя есть? Может тебе в институт надо было?

Надя. Я девять классов закончила. Надоело учиться, да и деньги пора было зарабатывать. Пошла к техникум сельскохозяйственный. Работала на агроферме ответственной по птице.

Леонид Степанович. Ответственной? Вроде менеджера?

Надя (утирая слезы). Не-е-ет! Корм давала, чистила, яйца собирала... Вонючка там! Кажется, сама уже пахну. Платили мало. Но хоть что-то. Низкие у нас зарплаты.

Но курицей давали премии, яйцами... А до агрофермы еще доехать надо... И каждый день с ранья обратно на работу. Шесть дней в неделю.

Екатерина Аркадьевна. Так, с курицами понятно. А что у нас со знакомством в интернете в итоге вышло?

Надя. Оставила о себе информацию на паре сайтов. Фотки мне в поле сделала Глашка — Глафира. Она здорово так меня сфоткала: сарафан развевается, волосы распущенные, до попы... Мне тут их обрезали (*заревела*). Длинные, но уже не до попы совсем!

Леонид Степанович. Сволочи! Выпей-выпей, полегчает! Уроды!

Надя (всхлипывая пьет вино). Он говорит, приезжай. Я и приехала. Денег накопила и вперед. Финны по-другому... Тот финн, за которого наша Танька вышла, сначала приехал к нам в деревню, познакомился. Потом билет ей оплатил. Но наши так не делают. Короче, я билет купила. Он на вокзале встретил...

Екатерина Аркадьевна. Кто он, Надь?

Надя. Станислав. Его так звали. На фото выглядел подтянутым и помоложе. В жизни оказался более грузным, лет под сорок. Но я решила — ничего, вроде, обходительный. Повез к себе домой на машине. Куда-то далеко вез. До сих пор и не знаю, где это. Переспал со мной и на улицу выкинул.

Леонид Степанович. Прямо так и выкинул? (*удивленно*).

Надя. Прямо так. Он девочек снимал в интернете, а может и до сих пор снимает. Сразу сказал, что ему девственницы нравятся, а их мало (*смеется*), в глуши только остались. На следующий день после приезда повез меня якобы подарки купить. Высадил в торговом центре. Говорит, выбирай, а я сейчас приду. И не пришел. Я Москвы то не знаю. Даже если бы хотела, его дом не нашла бы. В деревню ехать денег нет. Да и стыдно. Короче, в итоге все-таки пошла к вокзалу просить людей на билет подать. Приперло. Подыхала уже почти. Думаю, черт с ней с гордостью. Домой поеду. А на вокзале, оказывается, это бизнес! (*смеется*) Сначала побить хотели, а потом, когда поняли, что я взаправду нездешняя и без денег, сжалились и поставили на заработки. Паспорт сразу отняли.

Екатерина Аркадьевна. Сволочи! И сколько же ты так мыкаешься?

Надя. Три года.

Леонид Степанович и Екатерина Аркадьевна (хором). Три года?!

Леонид Степанович. Даже бежать не пыталась? Надежда, как ты жила-то? Три года! Сразу надо было в милицию, тьфу ты, полицию! Домой бы как-нибудь вернули.

Екатерина Аркадьевна. И родные как же, Надь? Мамка-папка? Никто не искал, за три года-то? Ужас какой!

Надя. У нас телефона дома нет и мобильного тоже нет. Отец помер давно — по пьяни с чердака свалился.

Врачи сказали, очень неудачно ударился. Хотя, если бы в больницу сразу отвезли, может спасли бы, а у нас и везти не на чем, и некуда. Ближайшую больницу закрыли давно. Но оно к лучшему. Маму он бил, денег домой почти не носил. Меня как-то раз изнасиловать пытался. Я убежала, а мать с тех пор боялась его сильно. И я боялась. Да, так вот, отца нет давно. А матери я письма слала: мол, все хорошо. Ответы согласилась женщина из ларька, что возле вокзала, на свой адрес принимать. Благо, мать не часто пишет: до почты еще поди дойди.

Леонид Степанович. Но три года, Надежда! Какой срок! И никак вырваться не пыталась? До дому-то далеко?

Надя. Далеко. И паспорт за билет требуют. А бежать куда? У нас одна при мне бежала. Они ее поймали. Далеко-то не уйдешь, а у них всюду свои люди, даже в полиции. Быстро по видеокамерам отследили, куда из перехода делась. Деньги отнимают. Я заначку делала — все равно нашли и забрали. Живем в бараке. На автобусе развезут по городу, а потом обратно собирают. С нами батраки живут — те, которые ремонт делают. Их привозят, они побатрачат и обратно — по домам. Но им немного денег дают, домой отпускают. А среди таких как я: бомжи, инвалиды. Те тоже без дому. Кто, как я, приехал счастья в Москве искать, кого из квартиры выселили родственники, кто еще как жилплощадь потерял. Глухая одна есть. Так поет! Иногда она со мной в одном переходе сидит. Она в дальнем конце поет. Заслушаешься! Ее родная мать из квартиры выписала, а потом квартирку продала.

Екатерина Аркадьевна. Как же глухая поет? У нее ж слуха нет.

Надя. Не знаю. Она и правда не слышит ничего. Позовешь ее — не слышит. Мы и так, и эдак проверяли. Реально глухая! А поет...

Леонид Степанович. В природе всякое случается, дамы. Мир нами не изучен. Совсем не познан. Мы сами многое можем, просто не проверяли.

Екатерина Аркадьевна. Ой, Степаныч! Чего ты не проверял? Петь ты ни черта не умеешь. Слуха у тебя нет, а не глухой. У меня тоже нет. Пить мы с тобой горазды, а не петь. И ничего более.

Леонид Степанович. Ты, Катерина, на себя не наговаривай. Ты французский знаешь. Не каждому дано говорить на иностранных языках. У меня со школы дело не шло. Только и помню: «Ахтунг, ахтунг, в небе Покрышкин».

Надя. Чего?

Леонид Степанович (терпеливо). Немецкий я учил. Пытался, по крайней мере. Во время войны был такой летчик — Покрышкин. Немцев пугал. Они передавали по ради: «Внимание, внимание, в небе Покрышкин».

Екатерина Аркадьевна. Степаныч всех уже достал этой историей. Ты лучше, Надя, скажи, как же ты бежала из бомжей? Или ты не бежала? Или тебя к нам на скамейку положили работать? Так у нас тут особо денег не соберешь. Мы бы и сами рады, но нет тут ни

олигархов особых, кроме Валерика, ни нефтяной скважины. А детишек мне самой не хватает.

Надя принимается плакать.

Леонид Степанович. Господи, Надежда! Тут лужа скоро будет! А ты, Катерина, чего тоже несешь! Нате, вот, выпьем. И потом рассказывай дальше. Катерина права: непонятно, зачем ты у нас-то очутилась.

Надя. Вчера подошел Серега. Он у нас за главного. И говорит: денег приносишь мало. И вообще примелькалась на всех вокзалах уже. Пора, говорит, менять специальность. Я ничего не поняла сначала. А он продолжает: будешь обслуживать приезжающих бизнесменов. Я опять не понимаю. Серега объяснил: выгодная, говорит, работка. Приехал мужик или уезжает, короче, на вокзале он. Нормальную проститутку снять ему дорого, а хочется. Он снимает поминутную. Серега говорит, даже часовая уже не так идет, а поминутная — очень хорошо. Дешево, говорит, и сердито. Навыков, говорит, тебе, Надюха, никаких не надо, но в общих чертах мы тебя просветим.

Надя плачет сильнее.

Леонид Степанович. Сволочи! Вот, Катерина, как бывает!

Екатерина Аркадьевна. Ничего себе! Додумались! Поминутно! И ты, Надь, бежать?

Надя. Испугалась сильно. Они иногда приставали к нам и раньше, но как-то обходилось. Кому бомжиха нужна. Проституток ведь всегда держали. Они посимпатичнее.

Но тут Серега говорит, кадров не хватает. Завтра тебя отмоём, переоденем и — вперед. Поняла, что если они меня заставят эту работу выполнять, то со дна мне уже не подняться. Хозяева сами не брезгают пользоваться бесплатно их услугами, полиция иногда приходит. И вообще, это — грязь, болезни. Я уж там наслушалась и насмотрелась!

Леонид Степанович. Как ты бежала-то?

Надя. Якобы в туалет пошла. У нас там договоренность с теткой забесплатно ходить. Оттуда потихоньку и пошла в город. Можно и раньше так было, если незаметно от наших, но я боялась. А тут выхода другого нет, решила рискнуть. Ничего у вас по-прежнему не знаю. Вечером решила не идти — народу мало. Пошла днем. Шла-шла пешком. На метро то не сядешь в таком виде. Денег мне немного уже давали, а толку? Вот так шла и до вас дошла. Устала — хотела как можно дальше уйти от вокзала, чтобы не нашли. Свечерело. Решила поспать на скамейке. Понимала, что, не дай Бог, увидят — вызовут полицию... А что делать? Надеялась, не заметят до утра. Надеялась, рано проснусь. Но вот заспалась — хоть и на скамейке, а давно одна в тишине не спала. Обычно кругом постоянно шум: входят, выходят, дверь хлопают. Опять же, у нас подвал без окон. Душно, народу много...

Леонид Аркадьевич. Ну и история! Чего делать будем, Катерина?

Екатерина Аркадьевна. Подумать надо, Степаныч. Но так просто мы им Надежду не отдадим. Надо сходить к Валерику, посоветоваться.

Леонид Аркадьевич (доливая остатки вина). Мир сошел с ума, дамы! Это ж надо, бедные люди, попавшие в беду, не могут даже нормально милостыню попросить! Все в ежиных руках империалистов. Ни одной копейки не хотят выпустить из лап. Ладно, думаю, Надя, справимся как-то. Главное, с паспортом решить.

Надя. Главное, чтобы не нашли меня, как ту нашу девицу... Иначе не выжить мне. И никакой ваш Валерик уже не поможет.

Сцена вторая

На площадке появляется Галина, молодая женщина с собачкой.

Одета ярко, но безвкусно. На протяжении всего разговора с ней тявкает собачка.

Галина. О, снова алкашня заседает! Все тут уже изгадили. Фу, на лавку даже не присядешь! Детям гулять негде.

Екатерина Аркадьевна. А сама-то! Собаку опять притащила. Это она тут гадит, не мы! Я тебе сколько говорила, не води сюда собаку выгуливать. Здесь не место для выгула, а детская площадка. Вот заведешь себе ребенка, приходи. А пока тут у тебя меньше прав, чем у нас со Степанычем!

Галина. Права у нее, гляньте! Какие у тебя права, карга старая! Из ума совсем выжила от водки. Все Валера жалостливый выдает? И на него надо пожаловаться!

Постоянно грузовики свои с гнилым продуктом во дворе разгружает. Жильцам проехать не дает! Этот магазин его давно всем глаза мозолит! Вся местная алкашня там. Нашли благодетеля на нашу голову.

Екатерина Аркадьевна. А ты за ним побольше следи. Женить на себе мужика решила? Он на тебя и не смотрит. Юбку напялит покороче и ходит с собакой туда-сюда. И, между прочим, сама же покупаешь у него продукты, которые, якобы, гнилые. А они может очень даже свежие! Гнилые он нам со Степанычем отдает, добрая душа. Короче, сейчас детки придут гулять. Забирай собаку и вали в другое место!

Леонид Степанович. Дамы, не ругайтесь. Галь, хочешь и тебе нальем? У нас сегодня винцо. Благородный напиток. Не из подвалов Бургундии, но вполне себе ничего.

Галина. Издевается! «Из подвалов Бургундии»! Тебя самого надо в подвалы, чтоб оттуда нос не высовывал. Нормальному человеку выйти во двор спокойно нельзя... Так, а это кто у вас? Что за личность? Бомжиху-то где подобрали? Чтобы, как положено, на троих соображать? Не хватало для компании? До чего докатились! Бомжей во дворы пускать начали! Не просто пускать, а распивать с ними спиртные напитки. Пошла бы ты отсюда, бомжиха грязная подброду-поздорову.

Екатерина Аркадьевна. Ты Надежду не тронь! У нее сложная жизненная ситуация. Решаем, как быть.

Галина. У таких одна сложная ситуация — где на ночь прилечь. Она вшивая небось. Напустит тут детям вшей, а то и на собаку перебегут. Вы вот Ньюшу ненавидите, а она чище вас всех вместе взятых. Смотрите, я полицию вызову. Нам тут такого счастья не нужно. Вас вполне хватает, хотя и вас отсюда надо бы выселить.

Екатерина Аркадьевна. Полицию она вызовет! Умная больно. А я твоей собаке стрихнину подсыплю. Лает постоянно, людям не дает на свежем воздухе расслабиться. И нужду справляет, а ты, Галина, за ней не убираешь. Надо с собой специальный пакетик носить и туда собачьи отходы складывать. Я — пьющая, а знаю о таком способе. А ты — непьющая вроде... хотя, кто знает — сидишь, небось, вечерами и киряешь с горя, что тебя замуж никто не берет...

Леонид Степанович. Дамы, я уже налил. Ты, Галина, не сердись. Злобствование тебе впрок не идет. Видишь, никак мужа себе не найдешь, а женщина ты симпатичная. Но характер дурной. Постоянно злишься, кричишь. И собака у тебя злобная. Ножки короткие, шерсти нету, трясется вся, лает постоянно. Я вообще не понимаю, зачем такие породы нужны. Ладно для охраны, для охоты... А этот крысик зачем? Чипиздрик какой-то!

Галина. Попрошу при мне не ругаться! Ты мне тут еще про собаку мою гадости будешь рассказывать! Алкоголик несчастный! А замуж я принципиально не хочу. У меня такая концепция. Пью я вечерами? Вечерами у меня коучинг дистанционный или йога. Зачем мне муж? Мне и так хорошо. Мужчины за мной ухаживают. Я же не бомж, как ваша подружка новая. И

Валерий мне не нужен. Тоже мне знатного жениха нашли! Директор магазина он, торгаш без образования. О чем с ним вечером разговаривать? Только и сможет, что про свое гнилье мне втирать. Небось, в музее в жизни никогда не был.

Екатерина Аркадьевна. Тебе зачем образование, Галь? Ты чего с ним делать собралась, с образованием? Квадратный трехчлен вычислять? (*смеется*). Вечером разговаривать! С тобой-то и утром, и днем не о чем. Коучинг — слово тоже умное нашла. Чем тебе твой коучинг, с йогой вместе, помог? А музей дело хорошее, бесспорно. Однако, Галина, ты сама какой музей в последний раз посещала?

Леонид Степанович. Валерка не просто директор. Он — владелец магазина. И человек хороший. Это для мужа главное. Поможет тебе гвоздь вбить, полочку приладить, кран починить... В музей-то каждый дурак сходить может. Йогу не каждый осилит, признаю. Коучинг тем более...

Галина. Не нужно мне кран чинить! А если понадобится, я вызову специалиста. Сейчас это не проблема. Лучше любого мужа справится. И чего вы заладили? Муж, муж... Мужа завести не сложно, как бы дальше не пропасть. В музее в каком я была, Екатерина Аркадьевна? В Третьяковской галерее! Вы сами-то когда в последний раз музей или театр посещали?

Екатерина Аркадьевна. Мы со Степанычем ходили в музей «Красная Пресня» — пенсионеров туда бесплатно приглашали на девятое мая. А вот скажи, Галина, какая картина тебя больше всего впечатлила в Третьяковке?

Мы сейчас с тобой порепетируем вечернюю интеллектуальную беседу с мужем.

Галина. Многие понравились! Большая картина про Христа, например. Там все садятся на скамейку и смотрят на нее. О смысле жизни думают! Репетирует она! Жена поэта...

Леонид Степанович. Вон, смотрите, Захарыч идет. Знатный жених! Весь день чистоту во дворе наводит — квартира с таким сверкать будет! Как там его поихнему? Вроде, его Илхом зовут. Захарыч, тебя как звать по-вашему? Девушки вот интересуются.

Дворник (с сильным акцентом). Чего Степанович?

Кладет в тележку пустую бутылку из-под водки.

Леонид Степанович. Как имя твое? Кличут тебя как, Захарыч?

Дворник. Имя? Илхом. Тебе зачем?

Екатерина Аркадьевна. Сосватать хотим Галине. А она сопротивляется. Говорит, с тобой ни в музей, ни вечером о смысле жизни не побеседовать. Небось коучинг не осваиваешь. Хотя, вот смотрю на тебя, — йогу вполне осилишь...

Галина. Это не люди! Это отбросы общества! Сосватать! Но Илхом подходит в качестве наглядного примера. Кому надо — может замуж за дворника пойти. Я, если и выйду, то за мужчину, который чего-то в жизни добился. А за дворника свою бомжиху отдавайте. Ей в самый раз.

Леонид Степанович. Ты зря Надежду не обижай. Но в целом, кстати, мысль неплохая. Захарыч, ты у нас ведь с регистрацией? Официально проживаешь?

Дворник (испуганно). Чего? Справка есть. Комната есть. Скоро жена приехать, дети.

Екатерина Аркадьевна. У тебя жена есть и дети? М-да, ну ступай. В женихи не годишься.

Дворник уходит, по дороге выметая мусор из-под скамейки.

Екатерина Аркадьевна. Видишь, Галь, даже Захарыч женат. Даже такой мужик пристроен. Семья, детишки — все при нем. Работа не высококвалифицированная, но нужная! Из-за твоих интеллектуалов некому двory мести. Приходится пользоваться услугами таких вот Захарычей. Наполучали все высшее образование, пошли, как ты, Галина, в менеджеры, а то еще хуже — в коучеры. Толку никакого для общества.

Леонид Степанович. Ты вроде симпатичная, Галь, а никому не нужна. Все твой характер поганый. И собаку такую же завела, злобную. Права Катерина — толку от менеджеров и коучеров ноль!

Галина. Хватит тут меня поносить. И Ньюшу перестаньте трогать. Она укусить может. Когда от человека пахнет алкоголем, она вполне может куснуть и будет права. Давайте, топайте отсюда. Запах от вас идет, мрак! И от бомжихи вашей воняет.

Надя. Я не такая уж грязная. И не пахнет от меня. Это внешность такая. Ну как в театре. Положено так мне было.

Галина. Заговорила! Боже мой! В театре! Ты в театре когда была в последний раз? Актриса! Ты еще скажи в Третьяковку ходишь в свободное от бомжевания время.

Надя. Давно. Когда-то очень давно один раз была в театре. Наш класс водили — театр откуда-то на гастроли приезжал.

Екатерина Аркадьевна. Не обращай на нее внимания, Надя. Я тоже давно в театре была. И что с того? На мне это никак не сказалось.

Леонид Степанович. Тут ты явно, Галина, не права. Я вообще не помню, когда в театре был. Помню, жена меня таскала часто когда-то. Но я там сразу засыпал. Поэтому ничего не помню. Что касается Надежды, то от нее и правда не пахнет. Внешне мы тоже думали, мало ли что. А запаху нет. Не клеветцы почему зря.

Галина. Так вот почему от тебя жена ушла! Теперь понятно — в театре спал! Не пахнет... А чем пахнет? Шанелью номер пять?

Леонид Степанович. Чего тебе понятно? Шанелью... Разве ж в Шанели дело! Жена от меня ушла, потому что решила за границу уехать. Жизнь тогда пошла — ни денег, ни работы. Ее, как и меня, уволили. Она нашла себе немца через брачное агентство и уехала. Я ее не осуждаю. Если говорить про театры, немец в них вообще не ходит. Я хоть спал, но ходил. Сопровождал, так сказать. А немец вообще не ходит, потому что живут

они в деревне. А деревня она и есть деревня, пусть и немецкая. К тому же сильно они экономят — там так принято. А театр — это деньги на ветер...

Галина. Ой, неинтересно мне вас слушать! Какая разница, почему ушла. Ушла и ушла. Факт остается фактом. А бомжиху надо отсюда убрать, даже если она великая театралка.

Леонид Степанович. Ее Надежда зовут.

Галина. Да пусть и Надежда. Мне-то какая разница? Надежда, Вера...

Надя. Есть все-таки разница.

Галина. Ой, лучше б ты молчала, а? Чего она у вас тут заговорила? Таких людей вообще уничтожить надо. От них обществу никакой пользы. Они никчемные. Только небо копят.

Екатерина Аркадьевна. Это от тебя пользы никакой. Уничтожать! Ты что полезного делаешь? Кстати, почему не на работе? Сегодня же рабочий день. Ты чего сюда с собакой приперлась? А работать кто за тебя будет? Ты, конечно, еще более бесполезна, чем Надя. Но на работу хоть раньше ходила. Мы тут твою личность по будним дням лицезрели исключительно во время вечернего выгула этой мелкой твари.

Галина. У меня отпуск. Завтра, между прочим, еду на море. Да-да, на ваше, Екатерина Аркадьевна, любимое море. Только я себе, в отличие от вас, это могу позволить. Так что имею полное право здесь гулять. А

вы не имеете! На детской площадке пьяным и бомжам находиться нельзя.

Екатерина Аркадьевна. Где ты это вычитала? Образованная нашлась! А вот про выгул собак четко написано: нельзя их тут выгуливать. Вон табличка.

Галина. У меня собака маленькая. С такими можно. Это про больших пишут!

Екатерина Аркадьевна. Где ты тут вычитала, что про больших? Нет таких слов! Со всеми собаками нельзя: ни с большими, ни с маленькими.

Галина. Нарисована явно большая! Сравните с моей – это совершенно другая собака, с моей даже в самолет можно по габаритам!

Леонид Степанович. По габаритам ладно, но, Галина, она у тебя все-таки больно злобная. И дрожит вся. Чего дрожит-то? Тепло вроде. И глазки, смотри, недобрые, глупые. Зачем такую собаку заводить? Ты бы лучше, Галина, ребеночка родила. Толку было б больше, чем от такой собаки. И лысая... А с ребеночком гуляла бы на площадке официально. Катерина иногда бы сидела с ним, по-французски разговаривала.

Екатерина Аркадьевна. Ей ребенка нельзя. Какого ей ребенка? Ты глянь, Степаныч, она сама, как ее собака, злобная. Ей только собаку и можно, причем такую же. Другую точно бы сгнобила, а тут — зверь ей под стать (*смеется*).

Галина. Собаку не трогайте! Уберите руки от Ньюши! Дрожит она! Конечно, будешь тут с вами дрожать,

алкаши! От презрения к вам дрожит. Понимает, что вы за быдло. С ребенком сидеть! Нашлась нянька! Тебе бомжиху доверять нельзя!

Екатерина Аркадьевна. Ой, ой, ой! Интеллигентка выискалась! От тебя стране никакой пользы. Из-за тебя и падает уровень жизни всего населения. Из-за тебя и таких как ты.

Леонид Степанович (с издевкой). Менеджеров и коучеров.

Екатерина Аркадьевна. Точно, Степаныч! Менеджеров! Лучше б дворы мела!

Галина. Я работаю в приличном месте. Наша компания пластиковые окна ставит. Весьма качественные. Так что пользы от меня много. А алкоголиков, бомжей, наркоманов следует уничтожать. Или, по крайней мере, выселять за пределы города. Сидите тут, почти в центре, и вид портите. Коучи, замечу, тоже, в отличие от вас, приносят обществу только пользу. Учат держаться от таких индивидов подальше, чтобы не портить себе нервную систему. И, между прочим, учат не стремиться замуж за алкоголиков, пьяниц и прочих... «захарычей».

Леонид Степанович. На феминисток что ли учат? Вот беда-то! Ты, Галина, сейчас хоть внешне ничего. А станешь феминисткой — все, пиши-пропало, внешне станешь как внутренне. От тебя даже твоя Нюша шарахаться начнет. Феминизм, Галина, — это беда для народа. Полная антиутопия и армагеддон (*разливает вино по трем стаканам*). Тебе, Галина, не предлагаю. Ты, видишь ли, не права в корне. Мы с Катериной

пенсионеры. Мы свое отработали. Могли бы и дольше поработать, но так уж сложилось. А у Надежды иного прибежища не оказалось. Пришлось к нам обратиться за поддержкой. Пока не знаем, как помочь, но обдумываем этот сложный вопрос. Вот тебе и польза — мы тут пытаемся человека спасти.

Галина. Ой, ну вы посмотрите! Служба спасения! Чип и Дейл! Чего ей помогать? Пусть в переход идет. Скажет: подайте, люди добрые, на хлеб. Они там в переходах только прикидываются бедными, а сами в особняках живут. Где особняк твой, а, и унитаза золотые?

Леонид Степанович. Вот, Галина, в этом и суть проблемы. Надежда бежала из перехода, потому что более не могла мириться с такой своей участью. Обратно мы ее в переход ставить не будем. Нет у нее никаких особняков, в том-то и беда.

Надя (еле слышно). Спасибо. Настоялась в переходах я.

Галина. И ничего! Настоялась она! Другому не выучилась, стой в переходе.

Екатерина Аркадьевна. А ты чему выучилась? Окна продавать? Это каждый дурак может.

Леонид Степанович. Вон, Захарыча чуток русскому подучи, и он сможет.

Галина (вздыхая). Идиоты. Шли бы вы отсюда по добру, по здорову. Чего-то мамаш сегодня не видно. Уж они бы вам задали! Главное, теперь новую моду взяли — бомжей приводить.

Надя. Я сама пришла.

Галина. Тем более! Сама пришла, сама ушла. Здесь двор приличный. Если бы не алкаши, то был бы почти элитный. Вас точно надо выселять за черту города и подальше. Построить специальные бараки, и туда. Еще колючей проволокой обнести и ток провести, чтобы выйти не могли.

Екатерина Аркадьевна. Ты глянь на нее, Степаныч! За колючую проволоку! Размечталась! Тебя с твоей собакой за колючую проволоку. И током бить каждый день, чтоб мозгов прибавилось.

Леонид Степанович. Так жестоко не надо, Катерина.

Екатерина Аркадьевна. То есть нас можно током, а ее нельзя? Странно ты рассуждаешь, Степаныч. Когда такие люди скопятся в правительстве, они нас на самом деле за проволоку посадят и ток проведут.

Леонид Степанович. Галину в правительство не возьмут.

Галина. Почему же это?

Екатерина Аркадьевна. Рожей не вышла! В правительстве сейчас, конечно, разные сидят. Спортсменки сидят, актрисы. Разные бабы. Может кто из них сильно, Галь, умом не вышел, но хотя бы симпатичные.

Леонид Степанович. Нет, ну внешне она ничего. Феминизм еще по ее внешности не прошелся. Ты это

зря, Катерина. Я как раз ум имел в виду. Она по уму не пройдет. Коучи не тому учат.

Сцена третья

Беседа прерывается, так как из-за угла дома появляется участковый Иван Абрамович.

Иван Абрамович. Что, опять бузите? Ребятюшки, как я с вами намаялся!

Екатерина Аркадьевна. Накапали уже? Позвонили? Никакой жизни от них нет! При Сталине даже так на соседей не доносили! Русская интеллигенция всегда страдала от наветов и клеветы! Лучшие умы гнили в Гулаге!..

Иван Абрамович. Екатерина Аркадьевна, не кипятитесь. В соседнем дворе двоих вчера убили, и то никого в Гулаг не депортировали. И вас никто в Гулаг отправлять не собирается...

Голос из окна. В вырезвитель ее надо! И бойфренда ее туда же!

Екатерина Аркадьевна. Тебя надо в психушку! Жаль, их сейчас мало — мест для сумасшедших не хватает!

Галина. Сейчас я вам дам показания. Записывайте! Тут не просто пьянка, тут бомжатник развели! А это все с вашего попустительства происходит — вы, служители порядка, ни за каким порядком не смотрите! Коррупцировано все, продано! Пишите: тут алкоголизм с утра, бомжи и наезды на честных квартиросъемщиков!

Шлагбаум от посторонних машин установили, теперь надо ток провести вокруг детской площадки!

Леонид Степанович. Чтобы деток током шарахнуло? Галина, ты не права. И собачку твою убогую может случайно шарахнуть. Она от такого сразу помрет, даже не сомневайся. Дрыгнет лапкой, скульнет тебе напоследок — и нет собачки. Тебя совесть замучит до конца жизни!

Галина. Слышите? Они против моей собаки давно что-то затевают! Сгубить ее хотят. Ненавидят страшной ненавистью. А сами тут бомжа завели! Не исключено, что вчера ваши убийства совершили именно они! Рука не дрогнет!

Леонид Степанович. Так ты ж сама, Галина, предложила провести ток вокруг площадки. Это не наша инициатива...

Иван Абрамович. Тихо-тихо! С утра пить нехорошо, а на детской площадке и не совсем законно, давайте признаем. С собакой гулять здесь тоже запрещено. Однако звонок в полицию поступил по вопросу наличия на скамейке бомжа. Меня, как участкового, попросили проверить информацию. Тем более, в связи со вчерашним инцидентом. На пенсионеров мы не грешим. А вот посторонних без определенного места жительства велено строго проверять, снимать отпечатки пальцев и прочие процедуры.

Екатерина Аркадьевна. Какие бомжи? Что ты, Абрамыч?! Чтоб мы, да с бомжами — ни в жисть!
(пытается закрыть собой Надю).

Леонид Степанович. Не-ет, бомжей тут нога не ступала, права Катерина. Зачем нам бомжи? Нам вот и с Галиной хорошо. Мы даже немного ее любим. И песика уважаем. Но, Галина, слышала: Иван Абрамыч тоже говорит, что с собаками тут нельзя.

Галина. Защищаете права алкоголиков? Я в мэрию писать буду! Развели демократию, а собаке погулять негде! Я завтра на море уезжаю, но как приеду, сразу напишу лично мэру.

Екатерина Аркадьевна. Ой, мэру делать больше нечего, как только для твоей шавки прогулки в Москве обустраивать. Езжай за сотый километр и там гуляй с ней!

Иван Абрамович. Граждане, успокойтесь! Давайте перейдем к делу. Кто там у вас, Екатерина Аркадьевна, за спиной прячется? Мне ж отчитаться по звоночку надо.

Екатерина Аркадьевна. Никого. А кто у меня за спиной? Чего вы понапридумывали?

Иван Абрамович. Давайте не будем отрицать очевидного факта: у вас за спиной стоит человек, скорее всего, женского пола.

Галина. Женского... *(передергивает плечами и презрительно хмыкает)*. Я же предлагала вам дать показания. Бомжиха там стоит. Вы тут про убийства говорили. Вот и проверьте ее. Как, кстати, убили-то? Кого?

Екатерина Аркадьевна. Ой, и правда! Я и забыла совсем! Это племянница моя, Наденька. Приехала навестить старушку из далекой деревни. У них там современная агроферма, где Надюха работает... ответственной она работает... по птичке.

Иван Абрамович. Убили, Галина, в коммуналке мать с сыном. Сына задушили, а мать по голове тяжелым ударили. Насмерть. Екатерина Аркадьевна, паспорт можно посмотреть у племянницы вашей? И что она такая... грязная? По каким-таким дорогам шла к тете, что так извозилась?

Леонид Степанович. А вы не смейтесь, уважаемый Иван Абрамович. Наденька попала в переплет. Мы и решаем, как ей быть. Понимаете, паспорт у нее украли. Москвы она не знает. С трудом дошла до места жительства Екатерины Аркадьевны. Деньги у нее тоже украли. Пришлось ночевать на скамейке, потому что воспитание не позволило врывать в квартиру пожилого человека посреди ночи.

Галина. Воспитание! Вы гляньте! Где вы у нее воспитание нашли? Какая племянница? Врут они вам и не краснеют! Алкоголики проклятые! Не знаю, как насчет ударить тяжелым, а вот задушить она вполне могла!

Екатерина Аркадьевна. Никакой веры в людей не осталось! Приехала девушка ко мне из деревни, а у нее на вокзале все украли — вещи, документы, деньги. Реалии нашего времени! А тут еще злые люди гадости говорят. В полицию звонят. Нет ни веры, ни сострадания!

Иван Абрамович. А куда ж звонить? Вам надо было сразу заявлять о пропаже. Мы запросим по месту жительства подтверждение личности и выдадим временное удостоверение личности. А после и новый паспорт, если вы тут надолго. Но надо пройти со мной в отделение и оформить все бумаги. Зря вы не верите представителям власти.

Во дворе появляется дворник. Он подзывает Леонида Степановича к краю сцены.

Дворник. Степанович, меня Валера послал. Говорит, скажи Степановичу прятать бомжичку. Быстро. К нему пришли два мужика, ищут вашу бомжичку в нашем районе. Он пока им зубы говорит, а вы прячьте бомжичку.

Леонид Степанович бежит, прихрамывая на обе ноги, обратно на площадку.

Леонид Степанович. Ой, бежим, Катерина, к тебе! Захарыч говорит, потоп у тебя в квартире! Надо срочно проверить! Может и не у тебя льет, Захарыч точно-то не знает, а проверить надо! Надя, бежим быстрее, чтобы кого не затопить! Абрамыч, мы к тебе на прием придем сегодня обязательно и заполним заявление! Сейчас только с потопом справимся!

Екатерина Аркадьевна. Ой, беда, Степаныч! Трубы-то все старые! Дома никого! Бежим! Надя, давай с нами! Руки в ноги!

Все трое, схватив пакеты, убегают в сторону подъезда.

Галина. Потоп у нее (*хмыкает и передергивает плечами*), вселенский. А девушку проверьте. Племянница! И вы в эту сказку верите? Они вам наврали. Могу дать показания. Я свидетель.

Иван Абрамович. Хорошо. И что вы мне расскажете о данном случае? Почему бы девушке не быть племянницей Екатерины Аркадьевны? Детей у нее нет, а племянница вполне существовать в природе может.

Галина. Бомжиха лежала на скамейке всю ночь. Они ее нашли и начали с ней с утра вместе пить — на троих соображать. Я видела из окна — не сомневайтесь. Неохота было связываться. Сначала вообще не знала, кто лежит. Помните — тут наркоманов как-то ловили? Подумала, может опять наркоман. А потом смотрю, а эти-то наши пэнсионеры несчастные уже с ней закладывают. Вы еще Валерия проверьте на предмет выдачи им спиртного! Не обалдел ли он? Когда я его спросила, зачем он им выдает выпивку, этот благодетель ответил: они все равно выпить найдут, но плохого качества, отравиться могут. А сам им недавно подсунул тухлой колбасы просроченной!

Иван Абрамович. И что из вашего рассказа следует? Они так и сказали. Ваши слова не опровергают их слов. Но не волнуйтесь. Я все проверю, это не сложно. По закону я в любом случае обязан отправить по месту жительства племянницы Екатерины Аркадьевны запрос. Если подтвердится ее проживание по указанному адресу, выдадим ей документы взамен утерянных. С Валерием обещаю переговорить. Согласен — он в данном вопросе не прав. Продукты давать — дело благое, а спиртное не стоило бы...

Галина. И эта бомжиха сможет официально спать тут у нас на площадке?! Не ожидала я от вас подобного попустительства!

Иван Абрамович. Почему же на площадке? Если она приехала к тётё, то пусть и живет у нее. Гостит, как говорится. Да, у Екатерины Аркадьевны одна комната, но двадцать метров. Она вполне может у себя разместить девушку. Выглядит Надежда немного странно, согласен. Однако с выводами спешить не будем — проверка все покажет. Сейчас такие технологии! В момент приходят все сведения. Другое дело, если не приходят! Вот тут следует проявить бдительность. Взять к примеру вчерашние убийства. В квартире с убитыми жил мужчина. Не зарегистрирован, сведений о нем нет. Исчез. А если он и есть убийца?

Галина. Хотите сказать, он может вполне тут бродить?! Какой кошмар!

Иван Абрамович. К сожалению, не исключено, что бродит. С другой стороны, может он и не убийца. Тогда все равно получается, что убийца где-то бродит, как ни крути, непойманный.

Галина. А за что их убили? Красть, я так понимаю, у жителей коммуналки нечего.

Иван Абрамович. Выясняем. Есть подозрение, что парень попал в переplet. Где он работал неизвестно. Соседи показали, что на работу он ходил регулярно. Уходил, правда, во второй половине дня, а возвращался поздно. Не исключено, что мать его убили, так как она

неожиданно вернулась домой и застала убийцу. Или убийц.

Галина. Что??? Их несколько?

Иван Абрамович. Неизвестно, Галя. Советую вам пока поздно одной не гулять. Собачку засветло выгуливайте. Кто его знает, что за упыри. У нас даже примет их нет.

Галина. Слава богу, я завтра на море уеду. В квартире сигнализация. Надеюсь, никто ко мне бомжевать или прятаться от правосудия не влезет. *(Подхватывает собачку на руки и направляется к подъезду. Оборачивается)*. Но племянницу эту проверьте! И с Валерой разберитесь!

Иван Абрамович (шутливо отдавая честь).

Слушаюсь! Сделаем! *(Вынимает телефон, говорит в трубку)*. Проверил. Девушка приехала тут к своей тёте. Но ее на вокзале ограбили. Нет, паспорта нет. Конечно, я проверю все. Сейчас адрес запишу и отправлю запрос. *(Убирает телефон. Оглядывается и, никого не увидев во дворе, говорит сам с собой)*. Пока схожу к Валерке. Надо что-то с его спаиванием «шестьдесят плюс» решать. С хорошими ведь побуждениями мужик действует, а нехорошо получается. Эх, грехи мои тяжкие...

Иван Абрамович уходит. На сцене появляется дворник. Он убирает бутылку из-под вина и тоже уходит со сцены.

Занавес

Действие второе

Сцена первая

Во дворе появляются два крепких мужчины.

Сергеа. Точно пошла в этот район. Далеко уйти не могла. Прошерстим ближайшие дворы.

Крепыш. Все переходы посмотрели... Куда она могла подеваться? В метро не заходила... Дальше уже искать бесполезно — слишком далеко от вокзала.

Сергеа. Это ты — дебил! Зачем ты ей пакет в сумку сунул?! Это надо было догадаться! Идиот... Она с ней милостыню просит, черти где с ней ходит. А тут вообще сбежала! Нашла пакет и руки в ноги!

Крепыш. Не ожидал я, ну не ожидал я. Пришел Костян, а мы ж ему ни слова. А тут он. А я прятать. Надька спала, рядом сумка ее. Я и спрятал в карман с молнией. Думаю, потом заберу. А ее увезли на вокзал — так думаю, потом возьму. В смысле после смены. Все равно оттуда деньги, что насобирала, вынимать. Заодно, думаю, вытащу пакет.

Сергеа. Нет! Ты, блин, не думаешь! В твоей голове никаких мозгов! Пусто! Как так? Ну пришел Костян, ну положи себе в карман. Он что тебя обыскивать стал бы? Нет, не стал!

Крепыш. А вдруг заметил бы, что штаны странно топорщатся? И спросил бы: а что у тебя, Крепыш, в штанах за пакет. И что я ему бы ответил?

Сергеа. Ну фантазия у тебя! Мало ли что у мужика топорщится в штанах. Из-за твоего большого воображения ходи тут ищи эту девку треклятую! И дернул ее черт именно сейчас удрать, а? И здесь мы камеры не запросим нам показать. С чего бы? Так вот, сколько могли отследили ее путь. И что теперь? Штаны у него странно топорщатся! Мозги у тебя странно топорщатся!

Крепыш. Прости, братан! Не со зла ж. Струхнул я, когда Костян заявился. Но Надька-то куда могла уйти? В ее тряпье далеко не уйдешь. И сама зачуханная. Москвы не знает...

Сергеа. Фиг ее знает, куда. А если пакет нашла? Насобирала она не много — далеко не утопаешь. А если пакет? Сидит сейчас в ресторане, жрет, пьет за наш счет.

Крепыш. Кто ее в ресторан пустит? И в магазин кто пустит? Ей же сначала переодеться надо!

Сергеа. Тоже верно. На то и надеюсь. Сейчас до следующего перекрестка дворы прошерстим. Если никто ее не видел, если нигде ее нет, то не знаю, что делать. Жрать же она должна что-то, спать где-то...

Во двор возвращается Иван Абрамович. Внимательно оглядывает мужчин.

Иван Абрамович. Мужики, простите, но мне придется проверить ваши документы. (*Показывает свое удостоверение*). У нас тут двойное убийство в соседнем дворе случилось. А вы подозрительно здесь по дворам ходите. Вас уже видели. Не серчайте, но паспорта покажите.

Сергеа (вздыхая). Чего уж, покажем. Мы девушку ищем. Понимаете, она наша... племянница. Приехала в Москву из деревни. *(запинается, придумывая на ходу)*. Эх, знаете, как молодежь рвется в столицу! Не сидится им... Вот. Племяшка тоже удумала. Приехала. Мы ее встретить должны были. А она исчезла. Вроде на вокзале ее видели. Приехала, значит... Нам даже ваши коллеги помогли: показали камеры. Куда-то сюда, дуреха пошла. Может, знаете, мы чутка опоздали...

Крепыш. Не со зла!.. На работе задержались, может.

Сергеа. Да, задержались на работе. Она и пошла, куда глаза глядят. Вроде сюда, в эту сторону. Ищем ее! Она ж столицы не знает. И зачем ушла-то с вокзала... Вы случайно, случайненько-случайненько, не видали нашей племяшки, а?

Иван Абрамович. А как она выглядит? Тут много кто ходит по району, поди за всеми угляди. Тем более, у нас двойное убийство. Женский пол не особо под подозрением.

Крепыш. О, бабы устроились! А если это баба убила? Чегой-то не под подозрением?

Сергеа. Угомонись. Стражам порядка виднее. Нам бы про племяшку нашу...

Крепыш. А, да-да! Племяшка... Она среднего роста, волосы темные, грязные, не толстая, но крепкая. Кровь с молоком!

Иван Абрамович (пролистывая паспорта). Вы ж не братья?

Сергеа и Крепыш (хором, переглядываясь).

Не братья!

Иван Абрамович. Почему тогда говорите, что девушка потерявшаяся ваша племянница? Если вы не братья, то она может быть племянницей только одного из вас.
(Смотрит на них вопросительно, паспорта не отдает).

Сергеа (вздыхая). Видите ли, товарищ подполковник...

Иван Абрамович. Я капитан полиции. Сильно вы меня повысили. Да, так слушаю вас.

Сергеа (опять вздыхает). Товарищ капитан, история непростая... Мы братья сводные по маме, поэтому фамилии у нас вышли разные... Я вот от первого папаши, Крепыш вот от второго... М-да... А племяшка наша как бы общая. Она мамкиной сестры дочка, тьфу, то есть, внучка... То есть, она и мне, и Крепышу приходится племянницей. *(Вытирает со лба пот).*

Иван Абрамович. Ну предположим. А почему вы говорите, что у нее волосы грязные? Вы ж ее не видели, как она приехала. Может, она в Москву отправлялась с чистой головой, свежевымытой?

Сергеа. Это Крепыш пошутил неудачно. В детстве она постоянно с грязной головой ходила. А в остальном, да, — девка крепкая!

Иван Абрамович. Она с вещами должна, наверное, быть? С чемоданом? С рюкзаком?

Крепыш. Да, не! С маленькой такой, старой сумоч...
(его перебивает Сергеа)

Сергеа. Не исключено, конечно, что с вещами приехала. Но она ненадолго. Скорее, с рюкзаком чем с чемоданом. Так мыслю. Как, товарищ капитан, не пробежала тут племяшка наша?

Иван Абрамович. Нет, ничего похожего не наблюдал. А хожу я из-за убийства по дворам второй день. Не пробежала. Но буду обращать внимание, на всякий случай.

Сергеа. Уж вы будьте так любезны, обращайтесь! А то ж пропадет девка-то в большом городе. Не дай бог в какие плохие руки попадет!

Крепыш. Не дай бог, не дай бог, тьфу-тьфу-тьфу.

Сергеа. Давайте я вам телефончик свой дам. На всякий случай. Вдруг вы ее где увидите. Она может в подвале каком прячется. А тут — раз — и выйдет на свет божий.

Иван Абрамович. В подвале прячется???

Сергеа. А чего ж нет? Из деревни, напугалась. Могла и в подвал. В жизни бывают совершенно непредсказуемые варианты. *(Диктует номер своего телефона)*. Держите в курсе, пожалуйста. Очень волнуемся за племяшку.

Иван Абрамович. Я уж понял. *(Возвращает паспорта)*. Но вы самое главное не сказали.

Сергеа и Крепыш (хором). Что?!

Иван Абрамович. Как зовут-то девушку? Нам мало весьма расплывчатого описания. Кстати, фотографии ее у вас нет случайно? Из семейных, так сказать, архивов.

Сергеа. Ой, нет! Фотографий нет!.. Были детские, да все сгнули куда-то с переездами. Зовут племяшку Надя. Надежда, значит...

Иван Абрамович (записывает). Надежда... Отчество, фамилия?

Сергеа (вздыхает). Видите ли, племяшка замуж вышла. И вот новой ее фамилии не знаем — так уж вышло. Не нужно было. Мы ж обычно ее по имени звали: Надя, Надюха, племяшка. Так вот — без фамилии.

Крепыш. И без отчества. По отчеству тоже не звали.

Иван Абрамович. По отчеству не звали, но ведь имя ее папы вы должны знать?

Сергеа. Должны (*кивает*), но не знаем. Видите ли, товарищ капитан, Надя — внучка маминой сестры. То есть, дочка маминой сестры дочки. Мы и с дочкой-то не сильно общались. Живут они далеко. А уж с мужем дочки и вовсе не знакомы. Таким образом, (*вытирает пот со лба*) мы не знаем, как его зовут. Вот какое дело... Более того, маминой сестры дочка с мужем в какой-то момент развелась. Так что уже и не судьба познакомиться. Дочка его прокляла и поклялась имени его больше никогда не упоминать. Поэтому, боюсь, уж и не узнаем, как племяшкиного отца звать.

Иван Абрамович. Понял. Лады. Если увижу девушку Надю без отчества и фамилии, но подходящую под ваши остальные описания, то обязательно личность ее выясню и с вами свяжусь. А вы особо по дворам не ходите. Сейчас мы ищем убийцу, поэтому усиленно проверяем личности. У вас могут не раз паспорт спросить. А с

другой стороны, если тут где-то ваша племянница, то и ее проще будет найти — я сообщу коллегам.

Участковый прощается и уходит со двора. Серега и Крепыш вслед говорят ему «спасибо большое» и остаются во дворе.

Серега. Вроде он ничего не заподозрил... И прав мужик — надо валить отсюда, раз тут поиски убийцы ведутся. Не вовремя Надюха сбежала. Я в ее паспорт даже не заглядывал. Тоже неловко с фамилией и отчеством вышло. Короче, предлагаю пока поесть где-нибудь неподалеку. Вдруг участковый ее найдет. Даже если он чего и заподозрил, как я понимаю, ему такого счастья не надо, чтобы тут по району бомжиха бродила. Сдаст ее нам без всяких фамилий.

Крепыш. Эх, пакет бы добыть из ее сумки! Вот ведь нам подфартило сначала! И так удачно парня этого убили... Слушай, а не о нем ли говорил участковый?

Серега. Какая разница, о ком! Мозги надо иметь, Крепыш. Мозги, а не как у Винни-Пуха — опилки.

Крепыш. Чего? Какого Винни-Пуха?

Серега (вздыхает). Проехали, не бери в голову. Нам подфартило, а ты нашу фортуна засунул в сумку, куда бомжихе подаяние складывают. Вот ведь догадался! И нет, чтобы прыть проявить, сразу забрать из нее пакет! Нет, зачем? Крепыш на расслабоне!

Крепыш. Увезли ее быстро. Только я пошел провожать Костяна, а возвращаюсь — их поразвезли. Сам переживаю!

Сергеа. Переживает он! Корячишься, копейки эти с бомжатника собираешь, а тут — фортуна подвалила, сразу в дамки! Я бы плюнул на бомжатник и уехал бы на юга. Открыл бы там магазинчик или по-простому — квартиру бы сдавал отдыхающим...

Крепыш. Там денег на квартиру не хватит, ты что! И нам их еще пополам делить, забыл?

Сергеа. Я в разуме еще, понимаю. Но меня это стимулинуло. Свои к тому ж есть накопления. Но это был знак судьбы, понимаешь? Надоели мне бомжи эти, батраки. Подвал этот осточертел! Проститутки дешевые... И вдруг этот пакет! Понимаешь, Крепыш, как знамение какое-то! Конечно, что такое миллион? Ничего. На двоих совсем ничего... Но я думаю: раз нам с Крепышом подфартило, надо сваливать. Давно мечтаю на юга. Чтоб воздух свежий, морской прибой... Я и почву готовил. Но решиться сложно. Еще Костян со своими претензиями. Официально ему заявление об увольнении не положишь на стол. И тут — такая засада с этим пакетом! Тоже ведь знак! Не видать что ли мне югов? На что намекает мирозданье?

Крепыш. Может найдем еще... Не переживай ты так! Без пакета поедешь на юга — сам говоришь, что и без пол-лимона вполне справишься. А что знак? Без знака езжай. Я вот все равно уеду, и без пол-лимона. Ты вот как про юга сказал, так я тоже замечтался! У меня больших накоплений нет, но справлюсь! И уеду! Сергеа, давай все равно поедем. Ну ее Надьку с ее сумкой! Найдет ее участковый — хорошо. А не найдет — уедем так! Хотя, зараза Надька, как ни крути!

Сергеа. Да, меня тоже этот момент гложет — взять и подарить девке кучу бабок! Не, поищем еще. Их двойное убийство нам даже на руку. Вечерком зайдём к участковому. Сами наведемся. Вдруг он сразу не станет с нами делиться информацией. Пошли, короче, поедим. И еще разок пройдемся тут. Прогуляемся обратно до вокзала — и погода хорошая, стимулирует к пешим прогулкам... До меня, Крепыш, дошло, почему Надька свалила! Я ж ей предложил в проститутки пойти.

Крепыш. Так то ж повышение ей вышло (*смеется*)!

Сергеа. Не поняла она своего счастья, дура! Там и денег больше, и почище работка... в плане одежды. Думаю, до нее не доперло. Она такими глазами на меня смотрела, когда я ей про «повышение» то сказал. Я вот сейчас и вспомнил, потому что все думал, зачем она в бега отправилась. Ни города не знает, дура, ничего. А еще без паспорта. Ее в таком виде должны были сразу остановить для проверочки. И нас тут же спросить: не ваша ли дева тут бродит...

Голос из окна. Надоели тут триндеть! Встали и трепятыся, как бабы!

Сергеа. Спокойно, барышня! Мы уже уходим!.. Пошли, Крепыш, народ уже нервничает. Какие-то нервные все пошли. К психологу бы сходили. Уж нельзя во дворе постоять, с другом перетереть.

Сергеа и Крепыш уходят со двора. Во дворе появляется Леонид Степанович.

Сцена вторая

Леонид Степанович (крутит головой по сторонам).
Точно ушли! Хорошо, у меня окна прямо на площадку выходят. Ишь, сыщики, ищут нашу Надю! Где искать человеку справедливости? Где чувствовать себя в безопасности? Но Абрамыч молоток! Не сдал Надежду! А я его знаю — сразу понял, про кого речь.

Во дворе появляется Иван Абрамович.

Леонид Степанович. О, легок на помине! Как идут поиски преступников?

Иван Абрамович. Идут помаленьку. Ты мне лучше, Степаныч, скажи, что за девицу вы с Катериной пригрели. Тут у нее два дяди обнаружили, в дополнение к тётё Кате. Я им ничего не сказал, потому что личности это те еще. С паспортами у них все в порядке, но рожи бандитские. И юлят, плетут что-то... Вранье сплошное. Но ведь и вы, Степаныч, правды не говорите, вот в чем дело. Так что выкладывай. А там решим, что делать.

Леонид Степанович. Надежда, действительно, бомж. Приехала аж три года назад в Москву. Мужик ее обманом заманил через интернет. У нее ни денег, ничего — осталась в прямом смысле брошенной на улице. Переступив через себя, пошла на вокзал деньги просить на обратный билет. А там — вот эти, жуткие люди, Абрамыч, отняли документы и заставили на них работать. Тем же бомжом, но официально... Тьфу-ты, ну не официально...

Иван Абрамович. Понял я, понял!

Леонид Степанович. Так вот, ей вчера говорят, что поставят в проститутки, поминутные. Надя испугалась и сбежала. А бежать-то куда? В итоге до нашего двора дошла и прилегла на ночь. Мы тут ее на скамейке с утра и нашли. Ты пришел и сказал отличную мысль — написать заявление о краже паспорта, отправить запрос, получить паспорт. На всякий случай, мы тебе не сказали, что она бомж. Может с бомжами положено как-то делать все иначе, мы-то не в курсе. Ну мы ее и выдали за племянницу Катерины. И тут зовет меня Захарыч. Его Валерик послал. И шепчет мне, что Надю разыскивают бандюки. Мы сказали, что потоп и побежали в дом. Я в окно смотрел. Видел, как бандюки пришли сюда, с тобой разговаривали. Теперь ты говори.

Иван Абрамович. Расспрашивали они явно про вашу Надю — я сразу понял. Зачем-то они ее ищут, точно не из-за ее бомжовых дел. Уж больно прыть проявляют недюжинную. И побаиваются чего-то. Короче, просили, как чего узнаю — тут же им позвонить. Тот, которого Сергей зовут, дал свой телефон.

Леонид Степанович. Эх, что делать-то? Нельзя им Надежду отдавать. Сидит она у Катерины. Пельмени они лопают. Мне пришлось дежурить у окна, бутербродом обошелся. Так что ты мужикам не звони, не говори ничего!

Иван Абрамович. Уж соображу как-нибудь! Сейчас надо бы получить от Надежды заявление о краже паспорта и прочих ее вещей. Напишет адрес свой в деревне, откуда приехала. Я запрос отправлю с пометкой «срочно». Если окажется, что девушка действительно говорит правду, ее личность подтвердят,

то выдадим ей справку и отправим домой. Там уж паспорт выдадут.

Леонид Степанович. Деньги-то на билет откуда возьмем? Далеко ее деревня, недешевое удовольствие до дома добраться.

Иван Абрамович. Решать будем проблему постепенно. Сначала — запрос. Потом, может, Валера поможет. Он мужик добрый. Вас только почему зря спаивает, а так — молодец. В крайнем случае, я договорюсь по своим каналам, отправим домой, не волнуйся... *(вздыхает)*. Времени, Степаныч, нет вообще. С убийством этим двойным еще бегаем, подозреваемых ищем.

Леонид Степанович. Есть чего нового?

Иван Абрамович. Ребята выяснили, что убитый парень работал в магазинчике по продаже всякой техники. Любил во вторую смену выходить и сидеть там допоздна. Жаловался, что вставать рано совсем не может. А комнату у них в коммуналке снимал его друг. Вместе в магазине работали. Исчез этот друг-то. Разыскивают его. Да, самое главное забыл сказать! В магазине, где убитый работал, исчез миллион рублей.

Леонид Степанович. Миллион? Ничего себе! Как может исчезнуть миллион? Наличными?

Иван Абрамович. В том-то и штука, что наличными! Там что оказалось: фирма сделала заказ на несколько дорогих компьютеров для нового офиса. Они навороченные, по последнему слову. Но оплату они сильно просили взять наличными — бухгалтерию их еще проверять и проверять, тоже темная история.

Накануне убийства от них привезли две пачки денег - пятитысячными. Договор подписан, компьютеры готовы. Оформили доставку в офис. Убитый деньги должен был положить в сейф. Директор магазина раскололся — часть налички они проводить не собирались, а столько и нельзя при расчетах с фирмой. Короче, только сегодня обнаружили, что денежек-то нет! Кто принимал их — убит, а свидетель, друг его, он же — напарник в ту смену, смылся. Исчез. Поди теперь разбери, кто виноват и что делать.

Леонид Степанович. История! Выходит, напарник мог убить своего друга, забрать деньги и смыться. А убил, чтобы тот чего не рассказал. А может, Абрамыч, как в кино, — они вместе все спланировали, но напарник захотел себе не половину от миллиона, а весь миллион. Поэтому убил и забрал все деньги... Скажи, Абрамыч, разве миллион рублей — это много? Разве из-за него можно убить человека? Даже двух... Чтобы ты сделал на миллион? В наше время ничего особо не сделаешь, даже квартирки не купить. Я бы с моей пенсией просто на них бы жил до конца своих дней. Просто ел и пил.

Иван Абрамович (задумавшись). М-да, вопрос ты задал... Я бы ремонт в квартире сделал, пожалуй. А то жена запилела, и она права — давно пора. И мебель поменять. Да, скорее всего, так. Но у нас квартирка-то невелика. Значит, деньги останутся. Можно еще съездить куда-нибудь за границу. Мы никогда не были. А с другой стороны, сейчас все закрыто.

Леонид Степанович. Можно к нам. В дорожную гостиницу. Я никогда не жил в дорогах. Ты жил, Абрамыч?

Иван Абрамович. Не-а, не жил. А что, вариант! Номер люкс президентский. Номер на одну ночь, ресторан...

Леонид Степанович. В ресторане заказать самое дорогое: шампанское настоящее французское, икры черной... Чего там еще положено заказывать?

Иван Абрамович. Я шампанское не люблю. Я бы водки. И обычной нашей, под нее закуски... И ради этого идти в дорогущий ресторан? Хм, смысла никакого. Я и дома могу выпить водки с хорошей закуской — это даже с моей зарплатой вполне реально организовать. Нет, твой вариант с рестораном что-то мне кажется лишенным всякого смысла. Да и с гостиницей тоже. Что там эдакого? Зачем мне спать на какой-то суперкровати, на суперпростынях? Деньги на ветер, короче.

Леонид Степанович. А вот про убийство вспомнил. Получается, денег не нашли у убитого? А с чего на него подумали? Что он их прикарманил? И если прикарманил, то зачем домой с ними пошел?

Иван Абрамович. Там история мутная. Но в целом, получается, что больше некому было деньги забрать. В магазине было два человека — убитый и друг его. Деньги принимал убитый — камеры это зафиксировали. Потом одна камера, нацеленная на сейф, не работала буквально пять минут. И хозяин магазина, и следователь уверены, что убитый выключил камеру, взял деньги, снова ее включил и ушел. Почему пошел домой — сложно сказать. Но денег дома не оказалось, подозреваемый в краже мертв, а единственный свидетель или поденщик исчез. В магазине все в

целостности: двери не взламывали, сейф стоял запертый... только внутри пусто.

Леонид Степанович. Ради чего парень это все затеял, скажи мне? Всю жизнь себе поломал. Даже если бы жив остался, все равно, его бы поймали как вора.

Иван Абрамович. Скорее всего, поймали бы, конечно. В розыск бы объявили, и при первой же проверке документов обнаружили, что он — это он. Теоретически мог бы сесть в самолет до объявления в розыск и успеть смыться. На юг, например. И сидеть там, расплачиваясь этим миллионом, никому из властей не показывая паспорт. Но это проблематично. И, как мы с тобой выяснили, долго на миллион рублей не протянешь. Еда ладно, а жилье? Жить-то где? Тут, мне кажется, сработал психологический эффект.

Леонид Степанович. Что сработало?

Иван Абрамович. Психология. Мы с таким часто сталкиваемся: лежит что-то плохо — надо взять. То есть, парню в руки шел миллион. Он подумал: как же не взять этот миллион, если его ему так запросто отдают. И никто не следит за ним. Тот же директор магазина мог бы и поприсутствовать в этот момент. Но он даже не подумал о возможной краже. Так и сказал: не ожидал, не думал, не предполагал. А тот взял и украл. Единственное, что сделал — это выключил на пять минут камеру, которая смотрела на сейф. Все! Тут два возможных варианта с деньгами: либо спрятал куда-то, либо их забрал убийца. Так как мотива для убийства никакого кроме этого миллиона нет, то, скорее всего, деньги у убийцы. А вот он с ними может разгуливать без

проблем, так как разыскивают пропавшего соседа, а может это вовсе и не он убил.

Леонид Степанович. Так откуда убийца тогда узнал про деньги, если это не сосед? В любом случае, парень мог действительно их успеть спрятать. И убийца ушел ни с чем.

Иван Абрамович. Тоже вариант, кстати! *(У него звонит телефон)*. Слушаю. Да. Ого! Понял, принято! *(убирает телефон и снова обращается к Леониду Степановичу)*. Представляешь, а ты прав!

Леонид Степанович. Что случилось? Нашли кого-то?

Иван Абрамович. Нашли! Труп очередной. В общем, второй парень, которого и подозревали в убийстве друга, выбросился из окна квартиры своей девушки. Она ничего не знала про происшествие. Он у нее отсиживался, а буквально пару часов назад, когда девушка ушла, самоубился и оставил записку — мол, сожалеет и все такое. То есть, он на самом деле хотел забрать все деньги себе, но убивать не собирался. А друг ему и говорит: денег нет. Он его и убил в запале, не поверил. Начал искать — действительно, денег нет. Тут мать убитого пришла. Он и ее убил, чтобы не было свидетеля. Но жить с этой ношей не смог. Да и нашли бы его в итоге, конечно. Он же являлся единственным реальным подозреваемым.

Леонид Степанович. Ужас какой! Слава богу, все раскрылось, хотя парней мне жаль. Взяли и собственными руками жизни свои погубили.

Сцена третья

Из дома выходит Екатерина Аркадьевна с Надей. Надю не узнать (она должна преобразиться по сравнению с первым действием до неузнаваемости) — она в немного старомодном, но красивом платье, с чистыми распущенными волосами, с неброским макияжем на лице.

Екатерина Аркадьевна (обращается к опешившим мужчинам). А вот и мы! Готовы писать заявление о пропаже паспорта.

Иван Абрамович. Мы — это кто? И где ваша якобы племянница Надежда?

Леонид Степанович. Сдается мне, вот эта девушка и есть Надя... Не узнать!

Надя. Екатерина Аркадьевна одолжила мне свое платье, а волосы я просто наконец-то как следует вымыла (*улыбается*). Туфли, правда, чуть-чуть великоваты, но мы в них вату положили.

Екатерина Аркадьевна. Одежды у меня особо модной нет. А это платье я сохранила с прежних времен, когда бывали гости, праздники, театры... И ничего смотрится! А главное впору, подошло отлично по размеру.

Леонид Степанович. Ну вы, дамы, даете! Преображение! Теперь Надю никто не узнает вообще! Ты, Катерина, как фея из «Золушки», сделала из Нади принцессу — хоть прямо сейчас на бал отправляться.

Екатерина Аркадьевна. Такую цель и ставили, чтоб никто не узнал. На вас проверили. Так что те мужики тоже Надежду не признают!

Иван Абрамович. Отличная идея! А то они тут по району ходят, ищут. Прить проявляют завидную. Чего им бомжей не хватает? (*замечает опечалившееся Надино лицо*). Извините, Надежда. Но я и правда не могу понять, чего так напрягаться. Ну поискали чуток и расслабьтесь. Так нет! Обидела ты их, видимо, сильно своим побегом... Ладно, пойдем. Сходим в отделение, напишешь заявление. Не знаю только, когда ответ на запрос придет. Бывает мгновенно откликаются, а бывает пару дней молчат.

Екатерина Аркадьевна. Ничего страшного — Надя пока у меня поживет. Места в моей комнате хватит. На диванчике переночует.

Иван Абрамович вместе с Надей уходят со двора.

Леонид Степанович. Вы тут пока с Надеждой преображались, мы с Абрамычем убийством занимались. И, Катерина, раскрыли-таки его!

Екатерина Аркадьевна. Да ну! Шерлок Холмс и доктор Ватсон! Ты, я так понимаю, в роли Ватсона. А лучше б смотался в подвал к Валере и бутылочку попросил. А то я немного перенервничала.

Леонид Степанович. Не даст! Его Абрамыч ходил пристыдить за то, что он нас спаивает. Помогать можно, но спаивать пенсионеров не дело. Короче, провел среди Валерика воспитательную работу.

Екатерина Аркадьевна. А ты Валерику скажи, что надо нервный стресс снять. Да и ушел сейчас Абрамыч. Пока они до отделения дойдут, пока все заполнят, пока обратно... Эдак мы с тобой уже стресс и снимем!

Леонид Степанович. Тоже верно! А под это дело я тебе, Катерина, и про дело расскажу, которое мы распутали!

Уходит со сцены.

Екатерина Аркадьевна (вздыхает). С Надеждой как-то веселее стало. Уедет — останемся мы опять со Степанычем одни. Никому ненужные. Два старика. Помрем, заберет государство мою комнату, Ленькину однушку... А на том свете все равно ничего не понадобится. Думаю, там предоставляют жильё бесплатно.

Галина (проходя мимо). Все тусуетесь здесь? В чем-то есть плюсы у плохой погоды — алкашня по домам сидит. А «племянница» ваша где? Бомжиху куда дели?

Екатерина Аркадьевна. Тебе какое дело? По делам ушла. Топай, не задерживайся.

Галина уходит. На сцене появляется Леонид Степанович.

Леонид Степанович. Ты была права, Катерина. Поднажал я на совесть Валерика, рассказал про стресс, про убийства, про то, что Абрамыч ушел в отделение. Он сжалился и бутылочку выдал. Правда, видишь, опять винца. И тут у нас две причины. Первое — Валерик справедливо считает, что от вина мы не так сильно

опьянеем, как от водки. Второе — у него там несколько бутылок сегодня идет на списание из-за истечения срока годности. Это ж все то — «бургундское».

Екатерина Аркадьевна. Надо ж, а хорошее еще вино. Вполне! К тому же, красное положено выдерживать — какой может быть срок годности?

Леонид Степанович. Есть. Валерик говорит, положено указывать обязательно. Короче, Катерина, пока не вернулся злой Абрамыч с Надей, надо хотя бы начать пить. У тебя стаканчики с собой?

Екатерина Аркадьевна. Обижаешь! *(достает из авоськи стаканчики)*. Схватила на всякий случай в последний момент. Надина сумка старая и маловместительная. У нее там деньги, которые вчера успела насобирать. Она мне их предлагала взять на еду. Я говорю: погоди, пусть сначала Абрамыч разберется с твоим паспортом, потом отпразднуем, если все будет в порядке. Тогда и деньги пригодятся — на большой пир у Валеры неудобно просить.

Леонид Степанович (разливает вино). Все правильно делаешь, Катерина. Недаром учительница! Мыслишь стратегически! Вещи вы старые Надины куда дели? Их бы выбросить, честно говоря. Вместе с сумкой этой.

Екатерина Аркадьевна. В пакет я все сложила. Выбросим, конечно! Из сумки все деньги вытряхнем и тоже выбросим. Она хоть говорит, что негрязная, а скажу тебе по правде, — грязноватая. У них там душ был один на всех колченогий — какая тут полноценная

гигиена... Да, так что там, Ватсон, с вашим расследованием?

Леонид Степанович. Слушай, история, Катерина, запутанная! Убитый украл миллион в своем магазине. Миллион, Катерина, рублей наличными — такой ему попался клиент, с наличными. С ним вместе в тот день работал его друг, сосед и напарник по работе. Думал наивный человек, что миллион убитый понес домой. Ан нет! Куда-то припрятал. Это я, Кать, додумался — что не было у него дома денег, заранее их где-то спрятал... Интересно где... Так вот. Сосед убил его, а денежек не нашел. В итоге, сегодня выпрыгнул из окна квартиры своей знакомой, у которой и прятался. Записку оставил, что жить с таким грехом не может.

Екатерина Аркадьевна. Все поняла, кроме того, где деньги. То есть, где-то валяется миллион рублей совершенно бесхозно... Один украл, его убили. Убийца тоже самоубился. Денег нет... Нам бы, Степаныч, не помешали.

Леонид Степанович. Мы эту тему с Абрамычем поднимали. И толком не поняли, на что их тратить. Склоняемся к тому, что просто нам бы на них жить оставшиеся годы, ну, или месяцы — как бог даст. Правда, Абрамыч еще бы ремонт сделал и мебель новую купил. А я бы и ремонт не делал, хоть у меня хоромы его требуют. Но обойдутся хоромы — стояли много лет без ремонта и еще постоят.

Екатерина Аркадьевна. А я бы на море поехала и там их все прокутила.

Леонид Степанович. Миллион сложно прокутить, мы уже этот момент обсудили.

Екатерина Аркадьевна. Тоже верно... Однако море это не отменяет. И вот куда они миллион дели? Ни себе ни людям... О, смотри-ка, Галина идет обратно. Давай у нее спросим. Галь, ты откуда и куда?

Галина. Вам какое дело? Крем от солнца покупала. А вы опять пьете? Опять Валера выдал бутылку? Буду заявление в полицию писать. Официальное!

Екатерина Аркадьевна. Ладно, погоди. Два вопроса к тебе образовалось. Зачем ты едешь на море, если покупаешь крем от солнца? Езжай тогда севернее, чтобы совершенно естественным путем солнца не было.

Галина. Для кожи, дорогая Екатерина Аркадьевна, вредно на солнце находиться без защиты. Вам это невдомек, а все мажутся кремом. И одно другое не исключает. Севернее сами езжайте. В Гулаг, например, чтоб не видеть вас здесь с очередной бутылкой.

Екатерина Аркадьевна. Твоего совета не спрашивала, куда ехать. Ладно, вопрос второй. Был бы у тебя миллион рублей, на что ты бы его потратила?

Галина. О, это вы про убийство? Я уже слышала, что парень на работе миллион спер. Дурак! Что сейчас на миллион рублей сделаешь? Ради этого терять хорошую работу? В итоге, вообще быть убитым. Другое дело, если бы законным путем я бы получила миллион... *(задумывается)*. Я бы их вложила в банк. Процент бы капал. Пожалуй, да, — в банк. Нашла бы повыгоднее условия — и вперед.

Галина гордо проходит в дом.

Леонид Степанович. Видишь, Катерина, менеджер говорит дело — в банк надо класть. А мы с тобой два наивных дурака. Нет, трое нас — Абрамыч тоже не большого экономического склада.

Екатерина Аркадьевна. Ты из нас наибольший дурак, Степаныч! Какой банк! У нас миллиона нет. И не будет. Так, помечтали и хватит. Давай лучше выпьем еще винца. Пьется как водичка. Но красное — полезное. Валерик молодец, правильно выдал. И совсем не скажешь, что срок годности вышел, в отличие от колбасы, где результат тухлости налицо.

Леонид Степанович. Интересно, как там у Надежды складывается... Выправить бы ей быстрее бумаги, чтоб она нормально могла по улицам ходить. Мы бы ей, Катерина, Москву показали. С нашим районом познакомили, с его достопримечательностями. Метро бы показали, как им пользоваться.

Екатерина Аркадьевна. Ох, я уж сама в нем плохо ориентируюсь! Понастроили! Поди там теперь разберись. Таблички, указатели поменяли... Я, когда в метро последний раз ездила, минут десять стояла перед указателем — разбиралась, чего там понаписали. Потом новые кольцевые какие-то, новые пересадки. Уж боишься со двора лишний раз выйти.

Леонид Степанович. Верно, верно говоришь, Катерина — город уже не тот, что был. Мы сами как иногородние (*вздыхает*). Народу, машин полно. Это у нас тут закуток тихий, а выйдешь на улицу — задавят и не заметят.

Екатерина Аркадьевна. Вон, людей направо-налево убивают!

Леонид Степанович. Ну не преувеличивай. Всего-то двоих убили и один сам. И такое впервые за много лет. Не упомню, когда в последний раз убийство у нас тут случилось. Самое большее — подерутся.

Екатерина Аркадьевна. Тоже верно... Но факт неприятный. Еще эти мужики, которые охотятся за Надеждой, бродят. Чего вот им приспичило, будто других бомжей им мало.

Сцена четвертая

Во дворе появляются Серега и Крепыш.

Серега. Нет нигде! Это ж надо! Ладно, придется расстаться с мыслью ее найти. *(Замечает Екатерину Аркадьевну и Леонида Степановича).* Эй, пенсия, девушку здесь не видали случайно? В грязной одежде? Никаких бомжей не проходило?

Екатерина Аркадьевна. Какие бомжи, вы что? У нас двор образцового содержания! Бомжей еще не хватало! Иногда только Галина нарушает — с собакой своей гуляет на детской площадке.

Крепыш (громко смеется). А пить можно на площадке? Ладно-ладно, не обижайтесь, молодые люди. Пейте на здоровье!

Сергеа. У вас в соседнем доме людей вон убили. А вы говорите, «образцового содержания»! Теперь убийца ходит на свободе. Уж лучше бомж!

Леонид Степанович. Уже не ходит... Земля ему пухом, несчастный человек! (*выпивает вино*). И чужую жизнь сгубил, и свою!

Сергеа. Ого, как быстро работает полиция! Почему «земля ему пухом»? Смертной казни у нас нет. Посидит несколько лет и выйдет.

Леонид Степанович. Потому что, молодой человек, покончил жизнь самоубийством этот убийца. Сам себе назначил наказание. Душа не выдержала, совесть замучила... Короче, не смог он жить с такой каменюкой на шее. Двух человек убил — не шутка!

Крепыш. Во дурак! Раз на такое пошел, надо было сначала думать. А то, видишь ли, угрызения совести у него. Зачем убивал? Получается зазря!

Леонид Степанович. Так там целая история! Парень, которого он убил, украл в магазине миллион рублей. Убийца думал, что заберет эти деньги все себе, но в итоге не нашел их в квартире. Исчезли денежки, испарились. Получается, убил, как вы сказали, зазря. Хотя мы тут рассуждаем и не понимаем, как можно убить человека за миллион рублей... Сумма по нынешним временам ничтожная. Жизнь человека вообще бесценна. Но миллион рублей?!

Сергеа переглядывается с Крепышом.

Сергеа (говорит медленно, думая над каждым словом). Ого, как получается... Значит, убитый спрятал где-то целый миллион — не будем уж совсем принижать значение этих цифр — сбежать не успел, а дружок его убил с целью забрать все деньги. Хе, дурак, думал вор будет их дома хранить? Наивно.

Леонид Степанович. Так времени слишком мало после кражи прошло. Убийца ведь был свидетелем, а то и подельником. Поэтому он почти сразу попытался деньги забрать, а убитый каким-то чудом успел их уже куда-то спрятать. Не удивлюсь, если лежат где-то дома, и убийца просто плохо их искал...

Екатерина Аркадьевна. Ага, через много лет будет новый жилец ремонт делать и найдет этот чертов миллион. Но тогда он уже никому нужен не будет. И сейчас это не большие деньги, а через много лет вообще превратятся в бумажки...

Сергеа. Да-а-а... История! Значит, оба теперь почили, так сказать, в Бозе...

Крепыш. Тем более, надо срочно найти бомжиху!

Сергеа (шикает на него). Да заткнулся бы ты! Дебил!

Леонид Степанович. Почему «тем более»? Думаете, он бомжихе миллион отдал? *(смеется)*. Хорошая мысль! В жизни не найдешь потом этих денег.

Сергеа. Нет, что вы, что вы! Это мы про свое. Бомжиха нам с Крепышом приходится племянницей. Покатилась по наклонной... Мать просила ее найти. А почему я вспомнил о ней в связи с вашей историей?.. Потому

что... а вот тоже мало ли чего... Видите, как жизнь у людей оборачивается.

Екатерина Аркадьевна. Но тут мы вам не помощники — нет у нас здесь бомжей. Только Галина со своей злочей собакой да мамыши с детишками... Еще Валерик есть — хозяин магазина и дворник наш, золотой человек — Захарыч Илхом.

Во дворе появляется дворник.

Леонид Степанович. А вот и Захарыч — легок на помине. Вот скажи, Захарыч (*наливает себе и Екатерине Аркадьевне вина*), видал ты когда у нас на площадке бомжей? Случался ли такой казус, упаси господи!

Дворник. Чистый двор. Хороший люди живут! Илхом уважает! (*подметает и уходит*).

Сергеа (вздыхает). Да поняли уж. Ладно, пойдем Крепыш. Выпить надо.

Екатерина Аркадьевна. А вы к Валерику зайдите. У него всегда есть водка. Это тут в подвале за углом.

Сергеа. Знаем. Мы к нему уже заходили. Искали племяшку. И правда, Крепыш, пошли у него водки купим, закуски...

Екатерина Аркадьевна. Водка — лучшее лекарство в мире. Мы так каждый день лечимся и вроде даже легче становится. А мы, Степаныч, давай-ка сходим домой. Вино мы допили. Поедим хоть что-нибудь. Перекусим. А там и еще вина можно взять, раз уж срок вышел.

Пошли-пошли и пакет захвати — там остались стаканчики одноразовые. (*обращается к Серге и Крепышу*) Мы, знаете ли, завели привычку из пластиковых пить, а то стеклянные бьем постоянно. А тут детишки, собачки — не дай бог наступят, порежутся. Да и покупать новые стеклянные дороже. А так — купил упаковку одноразовых — бей не перебей.

Екатерина Аркадьевна и Леонид Степанович уходят в дом.

Сергеа. Прикинь, кого убили! Это ж мой племянник!

Крепыш. Какой племянник? У тебя ж племяшка!

Сергеа (вздыхает). Дебил... Крепыш, ты реально такой дебил или прикидываешься?

Крепыш (обиженно). А что такого я сказал?

Сергеа. Про бомжиху мы придумали, что она наша племяшка! Чтобы полиции так сказать! А убитый Пашка — на самом деле мой племянник, двоюродного брата сын. Братан с его мамашей развелся... Вижу, не совсем сечешь... В общем, это ж он, судя по рассказу этих стариканов, нам деньги на хранение принес, миллион свой. Тот миллион, который ты засунул Надьке в сумку.

Крепыш. А-а-а, понял! Он тогда еще лопотал: пакетик подержите у себя несколько дней. А мы туда после его ухода глянь! А там — две пачки по пять тыщ, итого — миллион! Ты говоришь: фиг он у нас этот пакетик обратно получит. Только просил Костяну не говорить, а то тот отнимет... Это да — Костян все отнимает. А тут Костян и приходит, легок на помине. Я со страху пакет

бомжихе сунул, что спала рядом... Как же я так сплоховал!

Сергеа. Так и сплоховал! Потому что debil! Ладно, что теперь делать... Надьки здесь, понятное дело, не бывало — все вон говорят. Даже эти лопухи старые. И понятно, что запомнили бы — тут как в деревне, все на виду. Ушла, видимо, совсем не в эту сторону. Ищи ее теперь, свищи. Как ветра в поле.

Сцена пятая

Во дворе появляются Иван Абрамович и Надя.

Сергеа. Привет стражам порядка. С какой вы девушкой симпатичной гуляете, прям завидно! Мы слыхали, с двойным убийством все выяснили. Только миллион куда-то делся... мы тоже задумались, куда ж.

Иван Абрамович. Вряд ли найдется. Если только случайно всплывет, но не думаю, что тот, кому его отдали на хранение или тот, кто его найдет в тайнике, пойдут и в полицию отдадут. Что-то к нам особо не ходят со словами: я тут миллион нашел, возьмите, пожалуйста.

Надя, Сергеа и Крепыш нервно смеются. Надя боится, что ее сейчас узнают, но старается выглядеть спокойной.

Сергеа. К сожалению, народ так не делает. А жаль! Нашел чужой миллион — отдай... Так мы поняли, вы нашу племяшку не встречали?

Иван Абрамович. Нет, никого похожего. Думается мне, она в другую сторону пошла с вокзала. Здесь бы сразу заметили чужого, тем более, бомжа.

Сергея. Мы уж поняли. И со стариканами поговорили, и с дворником... даже с Валеркой, хозяином магазина. Пойдем сейчас к нему, купим выпить — день выдался тяжелый.

Сергея и Крепыш пожимают руку Ивану Абрамовичу и уходят со двора.

Иван Абрамович. Ух! Думал, сейчас тебя признают!

Надя. Я тоже перепугалась. Но так меня Екатерина Аркадьевна преобразила, что они вообще ничего не заподозрили!

Во дворе снова появляются Екатерина Аркадьевна (с большим пакетом) и Леонид Степанович.

Екатерина Аркадьевна. Ну что, ушли упыри? Шатаются тут и шатаются. Но вроде все — решили водки у Валерика купить и с горя, что Надежду не нашли, топать пить. Верное решение!

Иван Абрамович. Мы с ними, представляете, столкнулись нос к носу! Они Надю вашу вообще не узнали! Вот это сила преображения!

Леонид Степанович. Ты, Катерина, какая молодец! Тебя гримером надо, в Голливуд. Как там с паспортом дела?

Иван Абрамович. На удивление быстро ответили коллеги мои. Все подтвердили, так что справочку

мы Надежде выписали. Теперь либо домой — там и паспорт получит, либо можно здесь, но здесь будут чуть дольше делать. Какие у тебя планы, Надь?

Надя (растерянно). Не знаю... Так все неожиданно! Я уже думала, жизнь моя так и закончится на дне, что не выкарабкаюсь...

Екатерина Аркадьевна (подбирая слова). Надь, а я вот подумала... Может, ты у меня останешься? Чего тебе в свою деревню возвращаться. Потихоньку в Москве сориентируешься, работу найдешь. Мамке своей будешь хоть деньги посылать, хоть помощь ей будет... Я живу одна... да ты знаешь... В одной комнате, конечно, не ахти, но двадцать метров все-таки. Разместимся.

Леонид Степанович. Правда, Надежда, и нам веселее, и тебе крыша над головой. Ты ж теперь Катерина названная племянница. Живи пока...

Надя плачет и обнимает Екатерину Аркадьевну. Та тоже начинает плакать.

Леонид Степанович (шмыгая носом). Вот, дамы, лужа будет от ваших слез. Потоп! Впору опять к Валере бежать, нервы успокаивать, но теперь в хорошем смысле...

Иван Абрамович. Жаль мне нельзя. При исполнении. Но у Валеры заканчивайте спиртное цыганить. Ребят, ну нехорошо!

Надя (всхлипывая). Так у меня деньги есть. Что вчера насобирала. Давайте, и правда, купим у Валерия.

Екатерина Аркадьевна, сумка моя у вас в комнате осталась. Пойдемте возьмем. Там на шампанского бутылочку точно хватит. И немного на закуску.

Леонид Степанович. Абрамыч прав. И сядем по-человечески у меня дома.

Екатерина Аркадьевна. У меня, Степаныч, лучше. У меня посуды больше, даже сервиз один есть. А соседи сейчас в отпуске — нормально можем, чуток даже пошуметь... Надя, а вещи твои здесь — я все собрала в пакет, чтобы выбросить. И сумка твоя там. Как раз не хотели без тебя выбрасывать, чтобы ты нужное вынула.

Иван Абрамович. Ну вы тут разбирайтесь. Если Надежда остается, жду завтра — оформим регистрацию. И по паспорту тогда скажу нашим, чтоб здесь оформляли выдачу. Сфотографируетесь, туда-сюда, короче, завтра все скажу, что делать... И это, сильно не напивайтесь!

Екатерина Аркадьевна. Спасибо, Абрамыч, за помощь! Постараемся!

Иван Абрамович уходит со двора. Надя вытряхивает на скамейку содержимое сумки.

Надя (считает мятые купюры). О, полторы тысячи накидали! Натэ, Екатерина Аркадьевна.

Екатерина Аркадьевна (засовывает деньги в карман пальто и берет сумку, чтобы засунуть ее обратно в пакет). Сейчас вместе сходим. Гулять будем на все! С последнего твоего, Надежда, бомжового заработка! В

честь, так сказать, ухода с работы... Надя, тут чего-то еще лежит. В сумке еще что-то...

Надя. А бог его знает. Мне ее выдали — там из кучи старых вещей выдают «реквизит», а то с пакетом неудобно было ходить. Может платок там на голову или еще чего (*интереса никакого к сумке не проявляет*).

Екатерина Аркадьевна. Гляну на всякий случай. Мало ли — тебе не нужно, мне сгодится.

Екатерина Аркадьевна открывает молнию, вынимает пакет, раскрывает его, оглядывается по сторонам и быстро заворачивает снова.

Леонид Степанович. Ты чего, Кать?

Екатерина Аркадьевна. Там деньги. Две пачки с пяти тысячными. По-моему, это тот самый миллион рублей.

Леонид Степанович. Так вот почему они сильно Надежду искали! Они у нее в сумке додумались деньги спрятать! Дайка вытащу одну купюру. Схожу на нее куплю что-нибудь у Валерика. Скажу, Наде подали, но мы не уверены, что настоящая.

Леонид Степанович убегает.

Надя. Что ж теперь нам делать?

Екатерина Аркадьевна. А что делать? Поделим на три части. Невелика сумма, а нам сгодится. Не отдавать же твоим бандитам. И в полицию тоже идти неохота — начнут ведь выспрашивать, как у тебя деньги эти в

сумке оказались. Целая выйдет история и еще неизвестно, чем она закончится...

Возвращается Леонид Степанович с пакетом.

Леонид Степанович. Купюру на машинке даже проверили! Настоящая. Немного купил нам, а так вместе пойдем. Надо только сумку схоронить дома.

Екатерина Аркадьевна. Мы подумали, что в полицию не надо идти — огород городить. Еще неизвестно, каким боком все это Наде выйдет. Поделим на три части и будем потихоньку пропивать.

Леонид Степанович. Разумно, дамы. Я — за!

Надя. Давайте я схожу домой, отнесу продукты и сумку. Разберу, чего Леонид Степанович купил и спущусь — сходим, может, докупим чего. Я нормально так давно не ела!

Екатерина Аркадьевна. Мы тоже нормально давно не ели, согласна, пируем сегодня. На тебе ключи. А то я убегалась туда-сюда ходить. Продукты положи в холодильник — у меня в комнате стоит, да ты уже знаешь... А сумку пока в шкаф засунь, потом разделим на три кучки.

Надя уходит. Екатерина Аркадьевна и Леонид Степанович садятся на скамейку.

Екатерина Аркадьевна. Устала. День выдался напряженный — давно такого не случилось.

Леонид Степанович. Это правда. Сейчас Надя спустится, сходим в магазин, накупим всякого...

Напряженный, но счастливый... Чего, Катерина, будешь делать со своей частью?

Екатерина Аркадьевна. Пока ума не приложу, чего... А мне ничего не надо... Будем просто жить на них. Захочет Надя, как Абрамыч, сделаем ремонт в комнате. Или просто мебель заменим. Вот ей диван заменим — а то старый совсем, ей спать будет неудобно...

Леонид Степанович (кашляет, подбирая слова). У меня к тебе, Катерина, рационализаторское предложение... Ты только сразу не ругайся... м-м-м...

Екатерина Аркадьевна. Да не мычи, говори! Не буду ругаться. Чего надумал-то?

Леонид Степанович. Выходи, Катя, за меня замуж. Переедешь ко мне в квартиру, Надя пусть в твоей коммуналке живет. Она молодая, ей одной лучше жизнь строить. А мы с тобой подадим заявление, пока месяц ждать, покажем Наде Москву, она обустроится, а может и работу подыщет. Вон Валерик готов ее к себе взять. А как поженимся, Кать, поехали к морю! И будем там жить, пока деньги наши с тобой не закончатся. Вернемся, сядем с Надей и будем рассказывать про наше свадебное путешествие... Я бы, знаешь, Кать, выделил денег на фотоаппарат... у меня старый совсем, еще пленочный. Мы бы там фотографировались. Валерик бы объяснил, как там чего нажимать...

Екатерина Аркадьевна кладет голову на плечо Леонида Степановича.

Леонид Степанович. Катерина, я вот не понял — ты согласна или нет?

Екатерина Аркадьевна. Степаныч, согласна я. Мне б от такого счастья не помереть раньше времени.

Начинает читать стихотворение:

Женщина всегда чуть-чуть, как море.
Море в чем-то женщина чуть-чуть.
Ходят волны где-нибудь в каморке,
спрятанные в худенькую грудь.

Это волны чувств или предчувствий.
Будто бы над бездной роковой,
завитки причесочки причудной
чайками кричат над головой.

Женщина от пошлых пятен жирных
штормом очищается сама,
и под кожей в беззащитных жилках
закипают с грохотом шторма.

Там, на дне у памяти, сокрыты
столькие обломки — хоть кричи,
а надежды — радужные рыбы
снова попадают на крючки...

*Наступает тишина, в которую неожиданно
врываються звуки улицы. Екатерина Аркадьевна и
Леонид Степанович продолжают сидеть на скамейке.*

Занавес